

К1422044

Автограф

57

РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

57

K1422044

Вологда
2010

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

РС
А22 84 д=Русб

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
ИЗБРАННОЕ	
Николай Бушенев.....	7
Вера Филиппова	9
ГОСТИ НОМЕРА	
«Школа поэзии» Моу ДОД «Центр детского творчества»	11
В МИРЕ РУБЦОВА	
С. Лагерев. Из Рубцовского архива.....	13
А. Седова. Памяти Н. Рубцова	20
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Юрий Малоземов	
Первый урок школьной демократии	22
Пионерский лагерь	23
Под снегом-то, братцы, лежала она	25
КРИТИКА	
Н. Бушенев. О сочинении стихов.....	26
Л. Богданова. Впечатления от...	27
С. Першин. Николай Рубцов в есенинской «Стране березового ситца» ..	28
ГРАФИКА	
Е. Л. Демидова.	
Об экслибрисах Константина Коничева и их создателях	38

*На 1-й странице обложки экслибрис работы художника
А. Карасева (г. Тула),
на 4-й стр. обложки экслибрис работы художника
С. Михайлова (г. Псков)*

Стихи последних лет

Андрей АЛЕКСЕЕВ

* * *

Вот и кончилось дачное лето,
Холодком дышит новая осень,
Потерялась за тучками где-то
Твоих глаз васильковая просинь.

Стал колечком душистого сена
На заборе венок из ромашек,
Но никак не вернуться из плена
Твоих милых пшеничных кудряшек.

Задрожала на ветках сирени
В серебристых слезах паутина,
Мы так часто с тобой здесь сидели,
Ты такою казалась мне милой.

Кружит в небе, едва различимо,
Журавлей улетающих стая.
Все, как прежде, ты мною любима,
Только осень давно уж другая.

* * *

Я люблю тебя, весна!
Ты, конечно же, красавица,
Но душа другой пьяна —
Девка-осень больше нравится.

Мед ее припухших губ,
Ее формы пышно-спелые
Мне милей несмелых рук
С одуванчиками белыми.

Мне милее в холодок
Дня прощально-увядального
Подхватить в ладонь листок,
Что несло дорогой дальнею.

Положить между страниц,
В книжку Фета или Тютчева,
Ведь зимой осенний лист
Для души лекарство лучшее.

Славна девочка-весна,
Только осень сердцу слышнее.
Ностальгия из других
Чувств — не самое излишнее.

Александр ПОШЕХОНОВ

ВОРОНЫ

Я б хотел быть здоровым и сильным,
Я б хотел быть на гребне волны...
Только холодом веет могильным
На меня от людей и страны.

Маршай бравурных медные стоны,
Вороватых политиков бред
Глушат матерным криком вороны,
Предвкушая веселый обед.

Тот обед с хрипотою и плачем
Приготовит им век озорной.
Вижу, чувствуя оком незрячим,
Как кружит воронье над страной...

Кто-то скажет, мол, болен товарищ,
Несусветную чушь говорит.
Только вижу я пламя пожарищ —
Это грех человечий горит.

Кто-то скажет: в тюрьму — охломона,
Пусть пророчит за крепкой стеной!
Что ж... В тюрьму — так в тюрьму...
Но вороны...
Но вороны кружат над страной.

МИР И ДУША

Прости меня, о мир беспечный,
За скуку раннюю мою,
За холод мыслей быстротечный,
За грусть у бездны на краю.

Уж не с тобой, с душой я дружен,
С моей душой не скучно мне.
Когда мы с ней наедине,
Прости нас, мир, ты нам не нужен.

От наших помыслов далек,
Ты оказался нам не кстати.
Мы свой раздуем уголек
Уединенной благодати.

А ты живи, ликуй и пой,
Слыши беспечным сумасбродом
И беспризорною толпой
Гордись, как некогда — народом.

Бледны дальнейшие слова
На фоне жизни окаянной,
Твоя природа такова,
Что не бывает постоянной.

Когда-нибудь наступит срок:
Из браны, хаоса и блуда
Ты честный извлечешь урок —
И мы возрадуемся чуду!..

Алексей ТКАЧЕВ

* * *

Мой милый край, зеленый.
Синеокий...

Я в доме с детства незаметно рос,
Но за твои «науки» и «уроки»
Я выплакал немало детских слез...

Здесь видел я как море разливалось,
Кипела сталь в мартеновских печах.
Здесь жизнь моя на стройках
начиналась,

Я нес ее на собственных плечах...

Гудел вокзал, он был тогда всесилен!
Галдели перрон, кричала что-то
мать...

Но я к тебе вернулся, край
мой милый,
Чтоб больше никогда не покидать!

Череповец! С тобой я прожил годы,
Но детство вспоминаю иногда.
У Ягорбы. На улице свободы
Прошли мои счастливые годы.

В родном kraю задумчивы березы.
Любимы липы небом голубым...
Был в юности он мною не осознан,
Зато теперь особенно любим.

Андрей КЛИМОВ

РАССВЕТ

Я шел на берег речки вдоль болота
И все смотрел с тревогой, как вдали
Без помощи других упорно кто-то
Отталкивает солнце от земли.

Он для страны стараясь, надорвется
И будет неизвестным для страны.
...А все же хорошо дарить всем солнце,
Отмытое до яркой желтизны!

СЕВЕР

Белый день воткнул осину
Среди поля, как костьль,
И стоит... А ветер синий
По дороге гонит пыль.
Гонит к тополю, к сарайке,
Гонит к дому в лебеде.
Там, что пьяная хозяйка,
Дверца стонет на гвозде.
Ты ее толкни немного —
Дверца вздрогнет, упадет.
Ее доски, словно ноги,
Примет старый огород.
Примет с грустью и вороне,
Той, что здесь с людьми жила,
Сорняком качнет зеленым:
Мол, жива, она, жива...

Сергей МАСЛОВ

МОЯ ДЕРЕВНЯ

От моей деревни дома три остались.
Для моей деревни белый свет потух,
Не играют дети, не мычат коровы,
На весенней зорьке не поет петух.

Заросли бурьяном наши огороды
И крапива в рост до самого крыльца,
И живут в деревне дряхлые
старушки,

Тихо ожидая своего конца.

Сгинули колодцы, провалились
крыши
И глазницы окон смотрят на меня,
Умерла деревня незаметно, тихо,
Есть наверно в этом и моя вина.

СЕНОКОС

Лето жаркое, лето знойное.
Травы росные, травы рослые.
Мне бы косу взять, помахать косой
Чтоб за мной лежал вал травы
густой.

Не слыхать теперь косарей в лугах.
Не стоять теперь и сенам в стогах.
Раньше было, как, лишь коса звенит.
И копна к копне на лугах стоит.

Трактора теперь ходят гонами,
И сена теперь все рулонами
До зимы в полях все катаются,
А потом снежком заметаются.

Не хватает сил все убрать с полей.
И почти уж нет молодых людей.
Молодых парней, мужиков в годах
Урожая часть и гниет в полях.

Трудно жить в селе на родной земле,
Нету помоши ни тебе, ни мне.
С трудом верится, будем жить путем
Что же будет впредь, мы куда идем?

Юрий МАКСИМОВ

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Ночь и тиши разорвал
телефонный звонок,
Сердце резко забилось,
ужели несчастье?
Я давно в этом мире
совсем одинок,
Как тот путник,
что сбился с дологи в неастье.

Да похоже кому-то
еще тяжелей,
Он спешить своим горем
со мной поделиться,
Оголенную душу всегда
пожалей,
Беспокойна ты жизнь,
что на это сердиться.

Все же робость и страх
мне сковали язык,
Трубку поднял,
но в ней ледяное молчанье,
Если это дурачество —
я не привык,
Обращать на подобные шутки
вниманье.

Но повторно звонок,
и опять тишина,
От догадок в башке
круговорть,

Вдруг колнуло под сердцем —
конечно она,
Так умеет звонить
только смерть.

Трубку сняв в третий раз,
говорю ей — Привет!
Я узнал тебя,
верь иль не верь,
Задрожал, когда хриплый услышал
ответ,
— Ну, тогда отопри
свою дверь...

Что ж, я прожил на свете
достаточно лет,
Возражения дать
не посмел...
На пороге стоял
алкоголик-сосед,
И с мольбою просил
на похмел.

Альфред ХОХРЯКОВ

* * *

Мы встретились на рынке птичьем
В разгар сезона овощного.
Ты покупала тушку дичи
И банку соуса грибного.
А я у входа почему-то
Живыми торговал цветами,
И в эту самую минуту
Возникло чувство между нами.
И ты, уже его заметив,
Вдруг наземь банку уронила,
Скорей всего в секунды эти
Меня навеки полюбила.
А я немного растерялся,
Смотрел на банку обалдело,
Как соус лужей растекался,
Но всё ж цветы поднёс не смело.
И мы пошли одной дорогой
В разгар сезона овощного...
Нет в жизни лучшего итога,
Да и не надо нам иного.

* * *

От меня ускользнёшь ты едва ли,
Зря затеяла эту игру,
Отыщу тебя даже в Австралии,
Даже в теплом мешке кенгуру.

Если спрячешься в стоге иголкою,
Я найду, пусть не сразу, не в-миг,
Трансформатор поставлю под ёлкою,
Подключю к нему мощный магнит.

Если станешь ты вирусом крохотным,
Превращусь сразу в антигриппин,
Тишиной станешь — стану я грохотом...
Для тебя только выход один —

Возвратиться на кухню. Не буду
Повторяться, и ласки не жди...
Ты оставила грязной посуду,
Прежде вымой — потом уходи.

ПРО СТУЛ

Человек идёт сутуло,
Человек идёт со стулом.

Почему же он сутул?

Потому, что тащит стул.

Хочет стул с собой иметь,
Чтоб дорогой посидеть.
Ведь в автобусе-трамвае
Мест свободных не хватает...

Мне представилась картина:
Тащит стул с собой детина,
И ребёнок в восемь лет,
Тащит стул с собою дед,
Едут лыжники гурьбой,
Каждый стул везёт с собой,
Бот магнат с супругой вместе
Разместились в мягком кресле,
Не устали, то не странно,
Тащит кресло им охрана.

Бот в коляске внук уснул.

«Подрастёшь, подарим стул...»

Человек идёт сутуло,
Человек идёт со стулом.

Он идёт на дачу, чтоб

Стул разрушить на растоп..

Борис ЧУЛКОВ

БАБЬЕ ЛЕТО

Пока не слышно бурь
и дремлет ветер резкий,
последняя лазурь
текает в перелески.

Пока румяна рань,
день золот, ночь согрета, —
в притихших весах, глянь,
гуляет бабье лето.

И осень — уж не в страх,
не яд слезы соленой, —
день яблоком пропах,
грибами и соломой.

Дыши же нынче им,
и впрямь остатком лета
прозрачно-золотым.
И ни на что не сетуй.

Вдыхай по то число,
где сгинет эта малость...
...Покуда не ушло,
пока не рас прощалось...

* * *

И вновь они — березовые полдни,
осиновые дни и вечера,
и я нежданно их еще припомню —
для этого придет своя пора.

То солнечно, то дождичек сквозь сито,
и чудится: под капель щепоток
они и прорастают здесь — грибы-то —
у самых ног, у самых наших ног.

И лес, уже отпраздновавший встречу
с хозяйкою рачительной своей,
опять врачует душу человечью
и отрешает ото всех скорбей.

Деревья! Что сравнится с деревами?
Что было бы с этим миром, если бы их
не вырастила Жизнь и рядом с нами
их не было в цепи существ земных?

Что с шумными тенями их сравнимо,
какие сны мы видели бы, не будь
зеленых грез у них для пилигримов
и если бы ветру в парус их не дуть?

Под сенью их я годы не был, годы,
нелепицей и суетой пленен,
но чуть вдохнул их воздуха, свободы,
их свежести — и сразу исцелен!..

Лзбраниое

Николай БУШЕНЕВ

Бушенев Николай Тимофеевич — доцент кафедры русского языка и культуры речи Череповецкого госуниверситета, автор нескольких поэтических сборников.

* * *

Мы провалились в чёрную дыру.
Опёл на нас *Нет* научными сетями.
Тотально погрузившись в блог-муру,
Мы тонем в информ-мусоре и спаме.
Скукожили мы речь до точки Ру,
До ручки довели её с дельцами.

О соплеменник, в ширь полей взгляни,
Где уж не слышно голоса родного,
Но коль не слеп, прочти и оцени
Рубцовское немеркнущее Слово:
Россия, Русь, храни себя, храни!

Храни родную речь, храни Рубцова!..
Храни, надеждой дышащие строчки,
Да будут Русь и речь её без точки.

24 мая 2010 года

ДЗИНЬКА

Поспать так утром хочется,
Да вот какое дело:
Настойчивым будильником
Синичка зазвенела.

Заливистым будильником.
Ну что ж такое, братцы,
Будильник тот не выключить —
Придётся просыпаться.

Ах, выбегу и выключу,
Ещё послю немножко,
Хоть льётся солнце яркое
В открытое окошко.

Сирень, росой омытая,
Так пахнет ароматно,
И воздух свеж, и песенка
Синички здесь приятна.

Тут сразу спать расхочется!
Откуда силы, братцы,
И жгучее желание
Во все дела включаться?!

Спасибо, утро вешнее
С волшебной благодатью!
Синичку ту, проказницу,
Готов расцеловать я.

Но где ж она? Не вижу я.
В листве звенит лишь солнце.
Уж улетела, шустрая,
К соседскому оконцу.

И там она натенькала,
Соседей разбудила.
И скоро людно, весело
Во всей деревне было.

За этот стих мой утренний,
За мой восторг обильный,
Спасибо, дзинька милая,
Пернатый мой будильник.

2 июня 2010 года

ОДНАЖДЫ,
В ИЮЛЬСКУЮ
ЗНОЙНУЮ ПОРУ...

Хохрякову А.Н.

Жара-
Жуть!
Пора
в путь.
Я е-
ду
к Альфре-
ду.

Примчал —
Слезть:
Причал
шесть.

Где сэр
Фред,
Там сень
древ.

Там тих
пляж.
Бултых —
класс!

Брысь, сгинь,
жар!

И жизнь —
шарм!!!

16 июля 2010 года

* * *

Хохрякову А. Н.

На славной речке Ягорбе
Мне люб шестой причал,
Ведь там на даче яблоки
Альфред, мой друг, возвращал.

Не штрифель, не алтайские,
И явно не ранет,
А фрукты просто райские,
Каких в продаже нет.

Считают, что чахоточный
Наш Север, между тем
Возник здесь шестисоточный
Шикарнейший Эдем.

Не зря Альфред корячился
И чудо совершил.
Он с Господом сконтачился
И сам не оплошал.

И здесь под райской яблонькой,
Где нега и покой,
Лежать бы с томной бабонькой,
Ну, с Евой бы какой!
Но Девы искушающей,
Увы (иль к счастью?), нет.
И многая лета ешё
Кайфуй в раю Альфред!

11 августа 2010 года

* * *

Читал Лука мне
Стихи у камня.
Большого камня!
Лука был метром.
Он был эстетом.
Себя считал он
Большим поэтом.
Читал с подвывом,
Ждал криков «Браво!»
Но дохли птички
И сохли травы.

И жаждал страстно
В Луку я кинуть
Убойный камень,
Но с места сдвинуть

Не смог я даже
Его, громаду.
Ужель житьечно
Поэту-гаду?!

29 мая 2010 года

Вера ФИЛИППОВА

Филиппова Вера Ивановна — доцент кафедры художественного образования Череповецкого государственного университета, член Союза художников России (живопись, графика), член Правления ВОСХР, член Международной ассоциации искусствоведов (историк искусства и художественный критик).

* * *

Душа соскучилась по Мяксе,
По вольнодумной стороне,
По пышнотелости угодьев,
По небывысотной синеве,
Да по тропинке витьеватой,
Зовущей прямо в небеса,
По мостику через речушку,
Бегущей по камням, бурля...

Мне не прожить без далей синих,
И без лещины вдоль ручья,
Без трелей нежных соловьиных,
Берущих за душу меня.

И как укор, остаток храма
В стенах разрушенных хранит
Судьбину матушки России
Ее печально-строгий лиц.

России чувствую дыханье,
Веков магнитящих тепло
И тел погибнувших страданья,
И душ невидимых житье.

Ничто не ново в этом мире:
Все начинается с ручья,
А завершается все храмом —
Теперь уж точно знаю я.

16 марта 2008 года

* * *

Волна несбыточных страстей,
Волна сомнительных терзаний
Накрыла жизни суть и с ней,
размыв предметность очертаний.

Не распознавши жизни вкус
И не испив нектар любовный,
Хочу от жизни отдохнуть
Как ветер вольный, став безвольным.

Прилечь к подножью деревов,
Смешаться с травным ароматом
И птиц нестройных голосов
Послушать, негою объятый...

Церковный звон колоколов
Вдруг донесется издалека
Ты, набожная наша Русь,
Питаешь душу жизни соком!..

2007 г.

* * *

Живописные полотна,
С закатами, восходами,
Свет небесный, источая,
Душу растревожили...

Всех восходов и не счесть —
Сколько в жизни было их!
Только главные все здесь —
До боли сердцу милье.

Церкви, храмы, купола,
Словно в солнце выкупав,
Смотрят в нас: в тебя, в меня
Божественными ликами.

Вологодские просторы,
Вологодские края
Пишет, пишет вдохновенно
Маслом кисть художника...

Нет, не маслом! и не кистью!
Взволнованно-восторженно
Сие пейзажи дарит вам
Душа! Душа художника!

14 декабря 2007 года

РОДНАЯ СТОРОНА

На полянке средь лесов
Выросла вербinka.
На каждой веточке ее
Поселилась льдинка.
Сколько в мире красоты!
Дарим мы подарки.

Дарит нам Весна цветы
И денечек жаркий.
Отведу с трудом глаза
От веточек весенних
И окину взглядом даль,
Увидев незабвенность...
Храмы, церкви, купола
Выткали Россию.
Мне родная сторона
Увиделась впервые:
На земле, промеж столиц
Мается народец...
Жизни бровень маета.
Я в ней — первопроходец.
Убежал от всех столиц
К ликам нашим древним.
Наклоню главу я ниц,
Встану на колени.
Попрошу у всей Руси,
Обращусь и к Богу:
Жизни, чтоб без маеты,
Для всего народа...

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Среди полей, среди холмов,
Лесов, озер, затерянных дорог,
Где обозначен севера порог,
Живет и здравствует
вдали от всех сует
Русь православная
В обличии естественности лет.
До облаков возвысилась она
Крестами, куполами их держа,
Люд охраняя ото всех невзгод —
От всех напастей,
Землю от врагов.
Вновь возвращая в души нам
надежду, веру и любовь.

ЗАМЕЛА ПОРОША...

Замела пороша землю
В поле по утру...
За околицей деревни
В поле я живу.
Я живу в лесной чащобе
Зимнею порой
Иль в канаве у дороги
Там, где сухостой.

Лишь фонарь, качаясь томно,
Вдруг осветит мне
Тот знакомый двор бездомный,
Косу на стене.
Сей косой, бывало, в поле
летнею порой
Поутру косил с росою
Травы на постой.
А потом бежал на речку
В чем рожала мать
И бросался с головою
В божью благодать.
Выходил оттуда юным
полным дивных сил.
Ото всех напастей сразу
Бог меня хранил...
А теперь сижу в тепле я
Зимнею порой.
Греет моши батарея,
Сам гляжу в окно.
В том окне я вижу дворик
Снегом заметен.
Вон былинник у забора,
Рядом — частокол...
Частокол, как в той деревне,
Где родина моя.
И похожая тропинка
Вдаль бежит мания...
Замела пороша землю
В поле поутру...
В юность узкую тропинку
В памяти храню.

Гости конкурса

«ШКОЛА ПОЭЗИИ» МОУ ДОД «ЦЕНТР ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА»

г. Череповец

(педагог И. В. Эпанаев)

Дарья СМИРНОВА

15 лет

САМОЕ-САМОЕ

Самое важное, самое первое,
Самое нежное, самое главное,
Входит в сознание самое верное
Слово надёжное, чистое славное.
Слово простое, как мир первозданный,
Слово прекрасное, звёздам подобное,
Быстрое слово, как вихрь ураганный,
Как и для губ и для жестов удобное.
Больше, чем имя, знакомо, наверное,
Слуху привычнее, чувствуя приятнее.
Самое, самое, самое первое,
В каждом вступлении в жизнь,
вероятнее.

Счастье и есть это слово любимое
В радости, в горе, во взлёте, в падении.
Твёрдое счастье во век не рушимое —
Слово прекрасное: мама. С рождения.

Екатерина КАЛИНИНА

16 лет

* * *

Меня окрестили в четырнадцать лет,
И помню тот день, будто только
недавно
Я медленно шла по ступеням в завет
Церковного мира, к любви
первозданной.

Волнение, дрожь овладели дыханием,
Я с горечью в сердце винила себя,
Как много утеряно смутным
скитаньем,
Когда к небесам я была так близка.
И вот я стою, будто словно немая,
И взгляды святых освещают меня!
И вот она жизнь неземная святая,
И вот оно счастье церковного дня!
Глаза закрывая, тону в синем море,

Душа распахнулась объятьям любви,
Любви к небесам, чистоте и простору,
Навеянным всплеском волны.
Вдруг словно исчезли оковы тугие.
Я чувствую лёгкость, свободу в душе,
И мысли, и чувства уже не такие,
Какие шептала я бледной луне.
Я вмиг изменилась, я стала другой,
С крестом на груди и жизнью в глазах
Оставила прежнюю боль за собой,
В растаявших призрачных снах.

Илья СЫСОЕВ

15 лет

НЕ ДАЙ МНЕ БОЖЕ...

Не дай мне, Боже, стать жестоким,
Повыше сделай мой полёт,
Полёт над миром одиноким,
В котором лишь летища вперед...
Ты вознеси меня в небесный,
Прекрасный, голубой простор,
Там, где не виден мир наш тесный,
Где расслабляется мой взор.
Перенеси через трущобу
Земных несчастий и преград,
Ты отгони от сердца злобу
И возврати меня назад —
В свой рай далекий и прекрасный,
Земли прекрасней во сто крат!
Где я увижу ярко-красный,
Прошально-огненный закат.

Наталья СТУЛОВА

19 лет

* * *

Я видела во сне малюсенький комочек
Живого милого и нежного тепла.
И так хотелось, хоть бы на денёчек,
Чтоб кто-то мамой называл меня.

Родной, но так безмерно беззащитный,
Что вечно бы держала на руках,
Чтобы его как ангел, как хранитель,
Оберегать хоть в жизни, хоть в мечтах.

И я во сне его оберегала,
И он со мною был, как часть меня.
Но утром у меня его не стало.
А так хотелось рядом быть всегда...

Марина ФИЛИППОВА

БЕГ ПО ОСТРИЮ СОЗНАНИЯ

Слишком много состраданья
В затерявшихся речах...
Подтвержденье... Отрицанье...
Тяжесть где-то на плечах...
Правды нет... Поток амбиций...
Я бегу по небу... вниз...
Я смотрю на эти лица —
Я не вижу этих лиц...
Я бегу домой к рассвету...
Страшно снова опоздать...
Сотни тысяч километров,
Минус-плюс сто тридцать пять...
Сколько правды в каждом лишнем??
Ровно столько, сколько лжи!
Это больно... Это слишком...
Камни, лезвия, ножи...
Всё в тебя! Ты безоружен...
Капля правды... и любовь...
Ты не веришь... Ты остынешь...
Я бегу по небу вновь...
Острый разум вскроет память,
Что тот час же ожила...
Я прекрасно понимаю...
Слишком много поняла!!!
Мы однажды замолчали,
Когда было, что сказать...
Мы любили... Мы устали...
Больше не о чём молчать...

Я бегу... Легко и просто...
Там — рассвет моей мечты...
Мой последний отголосок,
Ведь душа рассвета — ты!
Подтвержденье, отрицанье...
Сумасшествие, привет!
Пальцы, губы, сны, желанья,
Психоделика, рассвет...
Я забыла... Я не помню...
Что такое блажь и грех,
Вирус счастья, голос скорби...
Я бегу по небу... вверх!!!

Полина ПАНЮШКИНА
16 лет

ДОБРО И ЗЛО

Добро и зло — извечная дилемма,
Кому-то надо душу отворить.
Найдётся ли такая теорема,
Чтоб чашу весовую преклонить?
Поставит ли когда-нибудь планета
На площади победный монумент,
Искоренил ли зло лучами света,
Как механизма лишний элемент?
Случится ли когда-нибудь, что в мире
Исчезнут эти буквы навсегда?
Ведь даже в своей маленькой квартире
Не защищен от них ты никогда.
Добро и зло... Они не разделимы,
А ты свою дорогу выбирай!
И пусть к святыням ходят пилигримы,
Увы, без зла бывает только рай...
И две дороги, всё тесней сплетаясь,
Закручивают кольцами тебя.
И две войны всё ждут,
не прекращаясь,
Когда изменит человек себя...

В мире Рубцова

ИЗ РУБЦОВСКОГО АРХИВА

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по сёлам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Н. Рубцов

СТАРШИЙ БРАТ

26 июня 1998 года в Вологде открывали памятник выдающемуся русскому поэту Николаю Рубцову. Мне, по приглашению вологодской писательской организации, тоже посчастливилось участвовать в том мероприятии. День, помню, был прохладным и дождливым, но народу на церемонию открытия собралось много: земляки-вологжане, почитатели таланта поэта из других городов, известные писатели и артисты. Приехала из Санкт-Петербурга дочь поэта Елена Николаевна со своей семьёй. Как часто бывает в таких случаях, было и торжественно и, вместе с тем, немножко грустно. Тогда же я познакомился с руководителем Рубцовского центра Вологды критиком и литературоведом Вячеславом Белковым. В этом старинном городе я был впервые, и Слава показывал мне Вологду, водил по местам, связанным с Николаем Рубцовым. Мы подолгу разговаривали с Вячеславом о творчестве поэта, о его жизненных нелёгких дорогах, а также о трагической судьбе всей семьи Рубцовых. Белков сказал мне тогда, что по-прежнему нет никаких сведений о местонахождении братьев Николая Рубцова, и напомнил, что старший брат поэта Альберт по некоторым данным бывал у нас в Тюменской области. Просил помочь в поисках и подарил мне свою книгу «Жизнь Рубцова», на последней странице которой было написано следующее послесловие:

«Давно ищу братьев замечательного русского поэта Николая Рубцова (1936-1971). Стихи и песни безвременno погибшего поэта известны сегодня всем — «Тихая моя родина», «В горнице моей светло», «Букет», «Улетели листья с тополей...» А вот о жизни Рубцова известно мало. Может, кто-то из читателей поможет мне разыскать родных братьев поэта. Вот некоторые сведения о них:

Рубцов Альберт Михайлович. Родился в 1932 году в Вологде. Жил и работал в Ленинградской области (Всеволожск, Приютино), затем в Воркуте (работал на шахте?), Донецке, Свердловске, Крыму... Мы не знаем даже главного — жив ли сейчас Альберт Михайлович.

Рубцов Борис Михайлович, младший брат. Родился 23 мая 1937 года в селе Емецк Архангельской области. Жил в детдоме, в Вологде окончил вечернюю школу. Одно время жил и работал в Краснодарском крае (с. Успенское), родом из этих мест была его жена Валентина. На этом все сведения обрываются... А просьба одна — помогите найти!» К сожалению, в 2006 году Вячеслав Белков ушёл из жизни

Я никогда не забывал о его просьбе. На поэтических вечерах, а также в газетных статьях обязательно рассказывал о братьях Николая Рубцова. Так пролетело почти три года после моей поездки в Вологду, прошлое отдалось всё дальше и дальше, и казалось, что ничего уже о судьбах Бориса и

Альберта мы не узнаем, и никого из них не найдём. Но, как говорит-ся, человек предполагает, а Господь располагает. Подошёл юбилейный для поэта 2001-ый год. Поэтические вечера в честь 65-летия Николая Рубцова проводились тогда на нескольких культурных площадках нашего города. Как-то раз после одного из таких мероприятий ко мне подошла журналистка Галина Владимировна Кондрякова (профессиональная память не подвела опытную журналистку!) и сказала, что её подруга говорила ей о каком-то Альберте Рубцове, проживающим в селе Горнослинкино Уватского района. Что будто бы тот играл на многих музыкальных инструментах, писал стихи, выступал в клубе и на свадьбах. Я, конечно, заинтересовалась этим сообщением, так как не только имя и фамилия соответствовали старшему брату поэта, но и способности. Срочно, через председателя журналистской организации города Анатолия Прохоровича Зубарева направил запрос в Администрацию и милицию Уватского района. Вскоре пришёл официальный ответ: Да! Это был он — Рубцов Альберт Михайлович, старший брат поэта! Но, к большому сожалению, его уже не было в живых, он скончался в 1984 году и похоронен там же, в селе Горнослинкино. Я, зная, что у ленинградского писателя Н. Коняева уже на выходе книга о Николае Рубцове в серии ЖЗЛ, сразу же отправил ему копию полученного документа. Потом послал это сообщения Лене — дочери Николая Рубцова, а она его уже передала жене Альberta — Валентине Алексеевне, а также его детям — Марине и Николаю, которые живут в городе Коммунаре под Санкт-Петербургом. Как мне рассказывала Лена, Валентина Алексеевна, прочитав официальную бумагу, заплакала, потом успокоилась и сказала: «Вот и, Слава Богу! Теперь на душе будет спокойнее. Я теперь знаю, что он похоронен по-человечески и знаю, где его могилка». Сейчас нет уже в живых и самой Валентины Алексеевны. А вот

с дочерью старшего брата Николая Рубцова — Мариной Фазановой, я поддерживаю знакомство и по сей день. Вот что она писала мне о своём отце: *Родственники корили маму — мал, столько женихов было, а ты выбрала вон кого — «имя какое-то нерусское, не работает нигде, толку от него никакого».* Все над отцом подтрунивали, никто его не понимал. Мама тоже не понимала, считала поэзию и всякое искусство баловством. Но никогда ничего плохого про мужа не говорила, воспринимала его таким, каким он был. А был он человеком не от мира сего. В народе такое поведение считалось странным. Взгляд был отрешённый, всегда смотрел сквозь человека. Бытовые проблемы его не интересовали. Постоянно витал в облаках. Для Альберта (как для Николая) духовная пища всегда была важнее. Бывало такое, что забывал поесть. Мог сидеть за столом, все уже поели, еда закончилась, а он только очнулся. Работал много, но подолгу нигде не задерживался. Никак не мог усидеть на одном месте. Сначала путешествовали втроём: отец, мама и маленький Коля. Сушши пелёнки на ветру в поезде. Одно время жили в Донбассе. Отец работал шахтёром. У мамы началась аллергия (не климат). Трудно с маленьким ребёнком. Уехали из Донецка. Колесили по стране, опять оказались в Приотино. В Невской Дубровке строился рабочий посёлок, прозванный жителями «Чудильники» (сейчас это улица Николая Рубцова). Семье дали комнату в бараке. Обменивались дважды, после чего осели в комнате по адресу: ул. Советская, д. 1, кв. 4 (этот дом потом сгорел). Сюда неоднократно приезжал Николай Рубцов. В 1961 году родилась я. Мама уже не путешествовала с отцом. Можно, казалось бы, начать нормальную жизнь: жена, двое детей, но отцу на месте не сиделось. Стал ездить один. Причём уезжал без сборов, внезапно, имея в кармане буквально какую-то мелочь. Исколесил всю Россию-матушку. Письма приходили то из тёплых краёв, то из Сибири. Также неожиданно являлся домой. Поживёт немножко. Успеет поработать и опять в

путь. Однажды вся семья пошла в баню. Папа с маленьким Колей — в мужское отделение, женщины — в женское. Помылись, выходят, смотрят, Коля один стоит на улице, дрожит от холода. Валя спрашивает: «Где отец?» Коля: «Сказал, скоро придёт». Пошли домой. Прошло несколько дней. Тётя Надя, соседка, говорит: «Надо бы в милицию, в розыск подать». Мама говорит: «Не буду подавать. Подождём письмо». Приходит письмо через какое-то время: «Валя, я в Сибири». Без паспорта, без денег. Изредка присыпал посылки. Я получала письма, даже однажды 10 рублей мне прислал. Будучи ещё маленькой, написала папе письмо и два стихотворения без названий собственного сочинения. Думаю, папа порадуется: вот, мол, дочка стихи пишет! Но в ответ получаю разгромное письмо, где отец пытается объяснить, в чём смысл стихов, что это святое. Он много читал, был прекрасным рассказчиком, плясал, играл на музыкальных инструментах. Любой праздник не обходился без него. В семье Рубцовых все были талантливы: кто пел, кто плясал, кто играл на барабане. До женитьбы отец учился в Москве у профессора Панина по классу аккордеона. Бросил учёбу. Позже приходили письма (даже маме), уговаривали, чтобы Альберт продолжил обучение. Думали, что бросил из-за неё, погубил талант. После женитьбы приобрели аккордеон. Время от времени, когда нужны были деньги, отец его продавал. Мама ещё домой дойти не успеет, уже знает, кому продал аккордеон. Всегда выкупала инструмент обратно. Николай тоже говорил Альберту, что надо бы учиться. Хоть и младшим был, а по жизни старшим считался. К написанию стихов относился серьёзно. Не один раз отдавал в печать в газету «Невская заря» (г. Всеволожск), откуда приходил отказ со словами: «Стихи хорошие, но не всё можем печатать». Учитель литературы Захаров Станислав Алексеевич, который сам писал стихи, постоянно говорил мне, что у отца талант от Бога: «Мне бы его дар, я бы прославился, а у него нет такой тяги».

Недавно мой архив пополнился трёхмя письмами, написанными Альбертом младшему брату Николаю. Поэт хранил их, значит, они были дороги ему. После гибели Рубцова письма находились в собрании Н.А. Стариковской, которая за год до своей смерти подарила их мне.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Коля дорогой здравствуй!
Письмо твоё получил спасибо. Сразу же прошу извинения за то, что не мог помочь в твоём трудном положении. Ты знаешь, что если бы была хотя бы небольшая возможность я всё равно бы выручил. Дело в том, что я 2 месяца подряд не работал. Так получилось. И когда получил письмо от тебя я только что пошёл 1-ый день на работу. Работаю на Ржевке на старом своём месте. Так что ты понимаешь. Ну сейчас 25 уже немного получу будет легче. С Валей часто ссоримся сейчас. Хотел даже уходить. Да пацанов жалко. Потом помирились. Даже я тогда написал такие стихи

Иду я домой и не знаю домой ли
Живу я с женой и не знаю
с женой ли
Почти десять лет с нею вместе
прожили
А что же случилось?
Мы стали чужие...

Коля, но ты всё таки приезжай ко мне если будет такая возможность. Дела поправятся у меня найдём посидеть с чем. И не обижайся пожалуста на меня. Ну вот и всё пожалуй. Жду встречи очень хочется потолкововать.

До свидания пиши
А. Рубцов

Письмо написано на двух тетрадных листах в клеточку. Не датировано. Но, можно предположить, что это 1964 — 65 годы, так как в стихах указан почти десятилетний семейный стаж четы Рубцовых, а Альберт и Валентина, как известно, поженились в 1955 году.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Привет из Воркуты!
Коля здравствуй! С приветом Алик.
Работаю на шахте проходчиком зар-
боток плохой. С продуктами неважно.
Ещё месяц посмотрю да вернусь навер-
но обратно. Вот где настоящая скука
действительно можно съесть человека.
Изредка занимаюсь стихами всё такими
же например

Где-то там наверху
ходят люди спокойно.
Где-то там пьют вино
и коньяк в кабаках
Я ж глубоко в земле
только я не покойник
Я живой человек,
я с лопатой в руках
Я до майки раздеть,
Каждый мускулнатужен
От меня, как от лошади валится пар
Но для шахты всегда
я такой лишь и нужен
Здесь не отдыха сад,
здесь не сказочный парк.

Ну и наподобие этого другие.
Коля передай пожалуста Глебу ноты,
а то я не знаю когда приеду и большой
привет.

Звенит звено поэтов новых
Молодых девиц юнцов
Ближе мне из всех знакомых
Глеб Горбовский Н. Рубцов.

Пока А. Рубцов

Письмо написано с двух сторон на
единичном альбомном листке. Датировки
нет, но так как в письме упоминается поэт
Г. Я. Горбовский, то письмо это предпо-
ложительно послано Николаю Рубцову в
Ленинград в промежуток между 1959 и 1962
годами. Судя по тексту письма, Альберт
Рубцов был знаком с Глебом Горбовским,
и даже писал музыку на его стихи, но сам
Глеб Яковлевич, к сожалению, не помнит
о встрече с Альбертом ничего.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Дорогой Коля здравствуй!
Письмо твоё получил. Спасибо.
Только с ответом малость задержался.
Устраивался на работу. Сейчас работаю
на Кушелевке э/монтажером. Приехал
недавно. Я тебе писал из Свердловска
письмо на союз писателей, мне пришло
оно обратно с надписью, что твоё место
нахождения неизвестно. О своём при-
ключении рассказывать долго — вообщем
был на севере, был в Крыму оделся, правда
сейчас уже всё в ломбарде, но постараюсь
выкупить. Денег было и много и совсем не
было. Уехал из Л-да без одной копейки.
Вале не посыпал потому, что она мне
не писала, а от Томки получил письмо,
чтоб не приезжал. Я конечно и не хотел
приехать, но так как я опять был без
документов, то мне пришлось приехать
за ними вот и остался здесь. Но приехал
без денег. А у меня в последнее время
было их 1000 руб. Это я заработал за
один месяц и 10 дней. В Крыму же я не
работал, просто отдохнул... (нрзб). Первое
время мне было конечно трудно, ехал не
знал сам куда, без билета, без денег.

Я мчусь по рельсам, сам куда не знаю
Куда влечёт судьбина меня злая
И может быть каким-нибудь составом
Меня разрежет насмерть по суставам
Да после зимней голодовки долгой
Куски мои растищат злые волки
Не зазвенит мой голос где-то снова
Никто не вспомнит имени Рубцова.

Был я в Вохтоге, где раньше жили
с отцом на Жениной родине. Хотел в
... (нрзб)... и то не взяли.

Наяву это всё? Иль во сне
Сколько мытарств встречаешь и бед
Злой директор снимая пенсне
Снова слово знакомое — нет
И опять ты угрюмый и злой
От конторы потопаешь прочь
На ногах будет скоро мозоль
Короткая на улицах ночь
Я как будто чужой на земле

Как бродяга брожу по шарагам
Только мысли одни, о семье
Меня держат от смертного шага.

* * *

Злые чувства в душе, в голове кавардак
Неужели я всё же большущий дурак
Почему я всегда поступаю не так
Я серьёзное дело своюж на пустяк
И без слов мне обидно было в душе огонёк
Ничего видно в жизни я добиться не смог
И засохну я так, как червяк без земли
Где же цель, где же мысли где песни мои.

Много об этом путешествии ещё
есть стихов, но если ты пожелаешь
напишу в следующем письме. Коля ты
обещал мне свой сборник, нехорошо, не
по братски не иметь от тебя не одного,
надеюсь ты мне пришлёшь. Да в Х/Ман-
сийске встречал В. Кунпера (?) ... (нрзб).
Он наверно тебе говорил обо мне. Коля
не знаю, что со стихами делать,бросить
совсем не могу, и печататься тоже на-
верно не придётся, правда хотелось бы.
А ведь о них я только с тобой и говорил.
Может послать их кой-куда. Если бы я
знал, что ты в Вологде, я бы остановил-
ся там у меня и билет был до Вологды
когда я ехал обратно сюда. Ну да ладно
когда-нибудь встретимся снова. Коля
деньги Валя получила 29 рублей, а так
же посылку спасибо.

Ну вот наступило время пока ничего
как-нибудь.

До свидания пиши жду.

15/1 — 68 г.

А. Рубцов

Письмо написано на трёх тетрадных листках в клеточку. Сильно залито какой-то жидкостью. Прочитано с помощью работников криминалистической лаборатории Сургута, и лично её руководителя подполковника Соколова Дмитрия Анатольевича. Не смогли прочитать только несколько слов. Интересно: из письма видно, что Альберт бывал и в Свердловске, и в Ханты-Мансийске. Фамилия «Кунпер» читается приблизительно, сильно размыты буквы, и поэтому она может быть другой... Женя — это молодая жена отца братьев Рубцовых.

Тексты писем даны в авторском написании. Публикуются впервые.

Завершая заметки о старшем брате Николая Рубцова, я не стану разбирать перипетии жизни Альберта, и давать оценки его поступкам. Ведь написано в Библии: «Не судите, да не судимы будете!» Скажу только, что Альберт не был ни горьким пьяницей, ни лодырем, бегавшим от работы, он был «странным человеком», как писала о своём отце его дочь Марина.

Какая-то тревожная неуспокоенность постоянно ссыпалась его с места и звала, звала в дорогу. Этим он был очень схож со своим младшим братом Николаем, который всю свою недолгую жизнь тоже прожил, как странник. Альберт Рубцов несомненно был талантливым человеком, и, как это видно из текстов его писем, так же, как и знаменитый младший брат, не мог жить без поэзии. Это, наверное, и мучило его душу. Но, к большому сожалению, он так и не нашёл себя в жизненной круговерти. Но это была его жизнь! И только его!

ВОСПОМИНАНИЕ

Брату

Помню, луна глядела в окно.
Роса блестела на ветке.
Помню, мы брали в ларьке вино
И после пили в беседке.

Ты говорил, что покинешь дом,
Что жизнь у тебя в тумане,
Словно о прошлом, играл потом
«Вальс цветов» на баяне.

Помню я дождь и грязь во дворе,
Вечер тёмный, беззвездный,
Собака лаяла в конуре
И глухо шумели сосны...

Н. Рубцов пос. Приютино, 1957 г.

А вот о Борисе, младшем брате поэта, никаких сведений пока найти не удалось. Запрос о нём я несколько

раз посыпал в передачу «Жди меня...», но ответа до сих пор не получил. И так же, как Вячеслав Белков когда-то, прошу людей о помоши в поиске младшего брата Николая Рубцова — Бориса, немногочисленные данные о котором приведены вначале. Ещё хочу напомнить, что кроме неизвестности судьбы младшего брата поэта, для исследователей жизни и творчества Николая Рубцова есть и другие «белые» пятна. Например, не найдено ни одной фотографии матери поэта — Александры Михайловны. Известно одно — единственная фотография, которая хранилась у старшей сестры поэта Галины Михайловны в городе Череповце, была утеряна. Из-за этого Николай Рубцов даже поссорился с сестрой. (*Есть магнитофонная запись беседы Майи Андреевны Полётовой с Галиной Михайловной Шведовой (Рубцовой), в которой сестра поэта рассказывает об этом случае. И также говорит о том, что их самый младший брат Борис жил и воспитывался какое-то время в Мурманске у тёти Шуры. Г.М. Шведова скончалась в 2009 году.*). А на фотокарточке, что переходит из издания в издание, и которую подписывают, что это мать поэта, изображена совсем другая женщина. Это доказано ещё Вячеславом Белковым. Он показывал этот снимок Галине Михайловне Шведовой (Рубцовой), и она сказала, что это тётя Шура, сестра отца, которая жила в Мурманске. Об этом говорит и дочь Николая Рубцова — Елена. Считаю, что к архивным материалам следует относиться очень серьёзно и ответственно, и перед тем, как их публиковать в книгах, особенно в такой серии, как ЖЗЛ, обязательно всё уточнять и проверять. А тиражирование этой подмены в книгах и фильмах о поэте продолжается и поныне! Даже в Вологде на сайте областной библиотеки имени Бабушкина под этой фотографией также красуется подпись, что это мать Николая Рубцова, а под снимком отца поэта и его второй жены Евгении, что это родители! Я призываю всех бережнее

относиться к памяти поэта, и не допускать подобных «ляпов».

Недавно прояснился ещё один факт из биографии Николая Рубцова. Об этой истории в воспоминаниях современников написано немало, называются различные фамилии, якобы причастные к решению этого конфликта. Но вот о том, кто поставил последнюю точку в том деле, нигде не сказано, ни слова. И сам Николай Рубцов не знал об этом. Восполняю этот пробел — вот, что рассказал мне известный государственный политический деятель СССР и России, поэт Анатолий Иванович Лукьянов:

«Где-то в конце 1964 года, (в то время я был заместителем заведующего отделом Президиума Верховного Совета СССР), мне позвонил поэт Александр Яшин и попросил принять его по очень важному делу. В назначенное время Яшин пришёл не один, а с поэтессой Вероникой Тушновой. Суть их просьбы была такова: вологодского поэта Николая Рубцова исключили из Литературного института, и Яшин с Тушновой просили меня посодействовать о его восстановлении. К этому времени я уже знал имя поэта, читал подборки его стихов в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Октябрь», и понимал, что Николай Рубцов — это большой талант, что это настоящее явление в русской поэзии. Я позвонил в Литературный институт, представился, и поговорил о Николае Рубцове с ректором (сейчас точно не помню фамилию). Говорил, примерно, следующее: «Как же вы не понимаете? Вы совершаете непростительную ошибку. Вы отчисляете из института, может, второго Есенина! Этого категорически нельзя допустить!» (Кстати, почти тоже самое говорил В. Кожинов своему отцу, когда тот не пригласил Рубцова в свой дом в новогоднюю ночь 1965 года. — С.Л.) Меня вежливо выслушали и пообещали дело это уладить. Через какое-то время перезвонили и уведомили о том, что поэт восстановлен, но только на заочное отделение. А для того, чтобы показать мне, я так

понимаю, на какие уступки идут руководители Литинститута, прислали даже копию строчек Николая Рубцова, которые «ходили» по институту, они сейчас известны всем:

*Возможно, я для вас в гробу мерцаю,
Но заявляю вам в конце концов:
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.*

Николай Рубцов был восстановлен в Литинституте, а потом и успешно закончил его».

От имени всех почитателей Рубцовой лирики благодарю, правда, с опозданием, Анатолия Ивановича Лукьянова, поэта и политика, и просто хорошего человека за участие в судьбе выдающегося русского поэта.

Этот снимок сделан неизвестным фотографом летом 1955 года в посёлке Приютино Ленинградской области. На фотографии изображён Николай Руб-

цов и безымянный молодой человек. Сначала я предположительно думал, что это старший брат поэта Альберт, так как лицо очень похоже на снимки Альберта из архива его дочери Марины. Но вот недавно я получил по Интернету письмо из Череповца от Леонида Вересова, у которого тоже есть подобная фотография. Л. Вересов показывал копию этой карточки дочери Альberta — Марине, и она засомневалась в том, что рядом с поэтом снят её отец. А приютинская подруга молодости Рубцова Т.А. Голубева (Смирнова), посмотрев на карточку, сказала, что это и не Альберт, и не друг поэта Николай Беляков. Может, кто-нибудь из тех, кто прочтёт эту статью в альманахе и увидит снимок, узнает этого молодого человека? Отзовитесь!

Руководитель Рубцовского центра
Сургута
Сергей Лагерев

И. Тургенев

Познакомил нас Герман Фоминский, который жил в том же доме и подъезде, что и я.

С Рубцовыми Герман учился в Тотемском лесотехническом техникуме и продолжал знакомство в Вологде.

«Землячка», — представил меня Рубцову, когда мы случайно встретились у подъезда.

«Поэт Рубцов», — представился он.

Я знала, что он пишет стихи, слышала его выступления на литературных вечерах, которые проходили то в обществе «Знание», то в городском Доме культуры.

В те годы Вологодская писательская организация набирала силу. На слуху были имена Александра Яшина, Сергея Викулова, Василия Белова, Александра Романова, Ольги Фокиной и др.

Николай Рубцов мало печатался и был в тени общепризнанных литераторов. У молодежи были свои кумиры: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Юлия Друнина, Римма Казакова и прочие. Мы, студенты историко-филологического факультета увлекались поэзией и с удовольствием покупали книги стихов этих авторов. Наш однокурсник, Виктор Коротаев, уже выпустил первый сборник стихов «Экзамен», и каждому из нас подарил его. Начинали печататься Леня Беляев, Юра Заверткин, Леня Андреев...

Герман Фоминский показал мне небольшой сборничек стихов «Душа хранит», подаренный ему Николаем Рубцовым, где одно стихотворение было посвящено Герману. Я прочла стихи, но не оценила их по достоинству. Может быть потому, что сам Н. Рубцов не соответствовал сложившемуся у меня образу поэта. Вот Яшин — другое дело! С каким уважением и даже трепетом относились к нему писатели и поэты!

Н. Рубцов и на встречах был одет более, чем скромно. Маленький, щедущий, лысеющий мужчина с постоянно нахмуренным, угрюмым лицом и прищуренными глазами не вызывал у меня симпатий.

Теперь, когда среди моих любимых стихов — «Журавли», «Чудный месяц», «Утро», «Далекое», «Звезда полей», «В минуты музыки», написанные поэтом, я бы точно не так смотрела на своего земляка и общалась бы с ним по-другому. Зная, зачем Рубцов приходит к Герману, я неприветливо здоровалась с ним и старалась поскорее пройти мимо.

Однажды позвонил в нашу квартиру. Я открыла. Он стоял слегка смущенный и, поздоровавшись сказал: «Я к вам пришел с одной целью...» «Чтоб занять денег на вино», — продолжила я его мысль. Рубцов улыбнулся, вероятно, потому, что не надо объяснять причину неожиданного появления. И, хотя улыбка сделала его лицо более открытым и приветливым, рука в гипсе, подшитые валенки, мятое пальто и серый шарф — по-прежнему вызывали у меня неприязнь.

Этот визит Николая Рубцова не был последним. Я никогда не отказывала ему в просьбе, чтобы он не чувствовал себя униженным. Да и деньги он всегда возвращал. В последний раз оставил расписку. Я долго хранила ее, пока не узнала, что мой однокурсник Ю. С. Широковский, учитель Ермаковской школы, собирает материал для школьного музея Николая Рубцова. Расписку с памятным автографом поэта я дала Широковскому для снятия копии, надеясь на ее возвращение...

Осенью мне довелось проходить мимо дома, где последнее время жил Николай Рубцов. Я увидела вместо обычных цветов на полочке у мемориальной доски бутылку водки, два огурца и кусок хлеба. Такой вот поминальный дар... Народ наш не лишен памяти и чувства сострадания.

Жил одиноко он в мире жестоком,
Словно помечен и Богом и Роком.
Часто бездомным скитался, как бомж,
И на бродягу был больше похож.
В дверь иногда постучит виновато:
«Трешник» просил дня на три до зарплаты,
Даже расписки порою давал...
Невероятно! Он уже знал,
Как будут дороги все его строчки,
Все, что писал он — от точки до точки!
Очень хотел донести до людей
Ширь и печаль наших русских полей,
Запахи снега, дождей и лесов.
Звон в задремавшем бору бубенцов...
Чтобы достигнуть заслуженной славы,
Стать пришлось жертвой жестокой расправы.
Много друзей появилось, когда,
Всем стало ясно — ушел навсегда!
Поняли поздно: такого поэта
Дарит лишь раз за столетье планета.

Алла Седова

Короткая проза

Юрий МАЛОЗЕМОВ

ПЕРВЫЙ УРОК ШКОЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Домашнее сочинение на тему «Как нас принимали в пионеры» я не писал. А что было писать, если меня даже не допустили к приёму? Учительница сказала: «Ты напиши о том, как переживал, что тебя не приняли». Я не мог. В третьем классе, о своих переживаниях — не смог. Сейчас, спустя почти полвека — могу.

Меня не приняли. Единственного из всего класса. Однажды после уроков наша староста Гаяя сказала, чтобы никто не расходился: будет проводиться классный сбор. Для нас, третьеклассников, этот сбор был первым, и все сидели на своих местах, испытывая одновременно и любопытство, и настороженность. Должность старосты класса появилась у нас в первый день того учебного года, как и сама Гаяя — новая ученица, почти круглая отличница, с единственной четвёркой по физкультуре.

Быть старостой Гаяя вызывалась сама, наша учительница её поддержала — и все молча согласились.

Открыв сбор, Гаяя обратилась к классу с вопросом: «Кто мешает нам учиться? Кто часто нарушает классную дисциплину?» Фразы были явно заучены и хорошо отрепетированы. Девочки с мест называли несколько фамилий. Всех названных, в том числе и меня, построили перед классом. Это был первый в нашей жизни урок демократии. Большинству предлагали решить судьбу нескольких провинившихся товарищей. Кто же тогда мог знать, что общество не способно шагнуть через ступень своего развития, что демократия — это та же утопия, что и коммунизм, обещанный нам к 1980-му году.

Классу предстояло решить, допускать ли нарушителей к приёму в пионеры. Мы стояли перед классом, молча

глотая слёзы и ожидая своей участки. Разбирали каждого по отдельности и, настрожив, снисходительно решали принять, отпускали за парту. Меня обсуждали последним. Я уже почти успокоился (ну, поругают, в первый раз что ли?), как вдруг староста произнесла судьбоносную фразу: «Предлагаю подождать до следующего сбора». Фраза прозвучала так солидно и значительно, что ещё три девочки одна за другой повторили её из слова в слово, не вдаваясь в смысл сказанного. Подождём... Но когда он — этот следующий сбор? Через неделю? Месяц? Год?.. Никто не знал. А я уже чувствовал: не скоро.

Все мои проступки (а скорее, прошлки) были безобидны, и ребята принимали их с весёлым хохотом. Я мог сплясать у доски за спиной учительницы, мог позволить себе любую шутку — желание рассмеяться класс всегда перевешивало боязнь наказания.

«Подождём до следующего сбора» — таков был результат классного голосования. Сев, наконец, на место, я чувствовал себя второгодником, если не хуже...

В день приёма в пионеры все третие классы освободили от занятий. Мой дом находился рядом со школой и я, чтобы не показаться на глаза одноклассникам, с самого утра сидел у окна, выходящего на школьный двор. Неожиданно на улице показалась моя одноклассница Надя, в расстёгнутом пальто, в белом фартуке. На её груди празднично алел, ослепивший меня, пионерский галстук. От стыда и страха быть увиденным, я рухнул на пол и быстро отполз вглубь комнаты, хотя видеть меня через занавеску она не могла.

Прийти на другой день в школу было пыткой. Все ученики нашего и параллельных классов — в галстуках.

— А Зёмка не пионер! — съехидничала одна из моих одноклассниц.

На неё сразу защищали. Ребята поняли, что перегнули палку, и уже жалели о случившемся.

Несколько дней мое поведение в классе было тихим, но потом я привык к своему положению, и мои родители вновь стали получать от учительницы записки с подробным изложением моих проделок.

Спустя год меня приняли в пионеры. Я шёл из Дворца Культуры, широко распахнув пальто, в ярко-красном галстуке, гордый и счастливый.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

— В деревню ты этим летом не поедешь. Ты в лагерь поедешь.

Решение родителей на этот раз было непреклонным. Для меня, учитывая даже все мои выходки, замена поездки в деревню к деду и бабушке на пионерский лагерь была неоправданно суровым решением. Деревня, о которой я мечтал уже с сентября, сразу, как только приезжал оттуда после летних каникул, мечтал всю долгую зиму и долгую весну, отодвигалась от меня в лучшем случае до августа, а опомниться не успеешь — как опять в школу. Лесные походы, купание, рыбалка, катание верхом на лошадях — всё это отодвигалось от меня в далёкую неопределённость. Лагерь, с его режимом и дисциплиной, уже заранее вгонял в тоску, хоть я там ещё ни разу не был.

Мы долго плыли на небольшом теплоходе, пили лимонад, лениво жевали печенье и конфеты. Сладости, собранные в дорогу родителями, настроение не поднимали. Берега реки казались бесконечно одинаковыми.

Нас расселили в маленьких домиках по 6–8 человек в комнатах, называемых почему-то палатками. Я попал в палатку с ребятами, которые младше меня на целый год. С ровесниками-пионерами не поселили, хотя я, как и они, был переведён в четвёртый класс.

Уже на второй день попал в чёрный список. Тихий час, во время которого никто, разумеется, не спал, мы коротали как могли: рассказывали по очереди анекдоты, пели озорные дворовые песни: «Жора, подержи мой

макинтош», про Костю-атамана и др. Ничего подобного раньше я не слышал, и как губка восторженно впитывал в себя весь «лагерный» фольклор. Вставать с койки во время тихого часа запретили категорически. Но вот один из ребят выпорхнул из-под простыни, проскасал по палатке, изображая лошадь и хлопая себя по заду, после чего быстро юркнул в свою койку. Все расхохотались, по достоинству оценив едва ли не геройский поступок. Быть на вторых ролях я не мог и раньше, а уж теперь — подавно. Скинув трусики, я сделал полный круг по палатке, выбивая пятками по полу и ладошками по коленкам и голому заду ритм «собачьего вальса». Воспитательница, читавшая за стенкой книгу, не выдержав шума, пошла к нам разбираться и попала как раз вовремя... Остаток тихого часа яостоял в коридоре лицом к стене, пожиная заслуженную славу. За дверями нашей палатки творилось невообразимое. Воспитательница, поняв, что никаким криком не сможет спровоцировать со стихийно разразившимся хохотом, ушла. Ребята, не в силах уже смеяться, судорожно икали, катаясь по койкам. Впоследствии я очень боялся приближающегося родительского дня. К тому времени моих грехов набирались уже вагон и маленькая тележка, но этот случай был главным козырем для доклада о моём поведении. И чего боялся? Чем ещё я мог удивить своих родителей? Поругали, конечно...

День обычно начинался с линейки, т.е. с общего построения.

*Раз, два, три, четыре,
Кто шагает дружно в ряд?
Это смена комсомола —
Пионерский наш отряд.*

Когда хором декламировали этот стишок, я между первой и второй строчкой приглушённой скороговоркой успевал вставить ещё одну, собственного сочинения:

*Раз, два, три, четыре,
Лихо ж... оттопырив,
Кто шагает дружно в ряд?*

Ребята смеялись, воспитательницы шикали.

Несмотря на жаркую погоду, купались мы только два раза за всю смену. Но что это было за купание?! Речка Лежа и так очень мелкая, но глубже, чем по колено в воду нас не пускали. А на линейке одному примерному пареньку дали грамоту за то, что он хорошо плавает. И ещё сказали, что он и речку Лежу смог бы переплыть, если бы разрешили... Стоять и слушать такое было невмоготу. Я к тому времени уже реку Вологду переплывал в одиночку. А скажи об этом — только хвастуном обзовут. Никак ведь не докажешь.

Были и светлые моменты. Для какого-то мероприятия нас нарядили пионерами-тельмановцами. Выдали голубые галстуки. Не будучи пионером, я целый день ходил в галстуке. Пусть и в голубом. Вот это был праздник!

Почти все ребята нашей группы были влюблены в местную красавицу Любу Колесову. Люба, чувствуя большое к себе внимание, держалась королевой. А мне нравилась Оля Вагенгейм, тоже красивая, но очень скромная. Приятеля Лёшку, влюблённого в Любу, я как-то очень выручил, можно сказать, даже спас. Однажды утром, когда Лёшке было приказано вынести для просушки на веранду промоченный им ночью матрас, он отказался. Неслыханное дело! ЧП! Кое-кто из нас могли себе позволить огрызаться с воспитательницами, но чтобы отказаться наотрез?! Я знал причину Лёшкиного упрямства. На крыльце, против веранды стояла Люба. Я взял свёрнутый Лёшкин матрас, отнес и бросил на перила веранды. Люба, увидев это, ехидно заулыбалась.

— Твой, да?

— Не мой.

Ответ, видимо, прозвучал настолько правдиво и естественно, что Люба сразу поверила и потеряла к происшедшему всякий интерес.

Самой почётной наградой в лагере считалось поднять флаг на утренней линейке. Полотнище флага при помощи блоков и тонкого тросика поднимали на высокий шест каждое утро.

Это священное действие разрешалось произвести только за особые заслуги. Нередко в число таких счастливцев попадали наши рыболовы — несколько мальчиков примерного поведения, постоянно отдыхающие в лагере и заблаговременно запасавшиеся удочками. Их, на зависть другим ребятам, часто отпускали на рыбалку за территорию лагеря. Но всё же и мне однажды посчастливилось поднять флаг. Между возрастными группами постоянно проводили различные соревнования — спортивные и прочие. Мы выиграли конкурс художественной самодеятельности по театрализованному исполнению патриотической песни. Ребят нашего отряда нарядили пограничниками, выдали деревянные автоматы, обмотанные чёрной изолентой. Когда решался вопрос: кто же будет шпионом-диверсантом, физрук предложил меня, и все сразу одобрили. Я пошёл мастерить себе пистолет. Группа старше нас исполняла «Песню о Шорсе». Ребята, одетые красноармейцами, медленно брали по сцене и пели:

Шёл отряд по берегу,

Шёл издалека,

Шёл под красным знаменем

Командир полка.

Э-э-э-э...

Впереди отряда шёл «Шорс» с перевязанной головой, а им на встречу парень и девушка. Голые ноги у обоих по колено, до закатанных брючин, были измазаны глиной. С глиной ребята явно перестарались, и жюри из воспитательниц и пионервожатых смотрели на них неодобрительно. Следующими выступали мы. Я лежал на краю сцены, ожидая начала второго куплета:

Вот кто-то крадётся

В кустах у колодца.

Ползёт осторожно

В траве у ворот.

Он ловко крадётся,

Но в плен попадётся —

От нас не проскочит,

От нас не пройдёт.

Я, в трико, берете и чёрных очках с деревянным пистолетом, ползу по сцене.

— Стой, кто идёт!?

Поднимаясь, у меня отбирают пистолет, выкручивают руки, уводят. Аплодисменты!

Конкурс мы выиграли. Более того, флаг на утренней линейке было поручено поднять командиру погранотряда и ... диверсанту. И вот мы идём к шесту с флагом. Я ловлю восхищённый взгляд Оли Вагенгейм.

Есть хотелось постоянно. Кое-кто из ребят тёрлись возле кухни, клянчили сухарики. К концу смены, после взвешивания, воспитатели очень удивились: все дети потеряли в весе. Мы не удивлялись.

Прощальный костёр был большим, но к нему близко не подпускали. Мы сидели рядами поодаль и по указке пели пионерские песни.

Раздачу прощальных подарков превратили в унизительную процедуру для нарушителей дисциплины. Нас по очереди вызывали к столу выбирать подарки. Сначала самых послушных, дальше по убыванию. Я был третьим с конца. Взял маленький резиновый мяч. В магазине такой стоил десять копеек. Последнему осталось ведёрко с совком для песочницы.

Обратный путь на теплоходе уже не казался скучным. Я чеканил о стенку каюты свой резиновый мячик. Ребята завидовали, предлагали поменять мячик на школьный пенал. Я отказался.

Больше в пионерский лагерь меня не отправляли.

ПОД СНЕГОМ-ТО, БРАТЦЫ, ЛЕЖАЛА ОНА

За первые три года моей учебы, в нашей школе было четыре параллельных класса: А, Б, В и Г. В четвертом добавили «Д». Физкультуру проводили одновременно с двумя классами. Там, на физкультуре, я ее в

первый раз и увидел. Влюбился сразу. Куколка! Потом (за компанию) в нее влюбились еще двое моих друзей — Олег и Женька. Спорили — кому на ней жениться. Потом договорились: вырастем — сама выберет из троих. Долго не могли узнать ее имя. Я постоянно крутился около и, наконец, услышал как кто-то окликнул ее (впоследствии оказалось, что не ее) — «Людка!» Вдвоем с Женькой сочиняли стихи. У друга ничего не вышло, а свое помню:

*О, Людмила! Будете ли Вы моей,
Мой друг красивый, нежный.
И Вы, как месяц над рекой
Чуть красноватый и безбрежный.*

Женька оценил. Сказал: «Здорово!»

Друзья остали за два месяца. Я проробled два года. С другом Женькой, уже к тому времени влюбленным в другую, решили узнать Людкин адрес. Проследили, когда из школы выйдет и пошли за ней. В мороз, в пиджачках След потеряли в центре города. Она зашла в музчилище. Не дождались. Около часа промерзли и домой. Отогревались у Женьки. Помню: очень болели подмороженные пальцы. Надо бы в холодную воду, а мы — у печки. Потом узнал: не Люда она, а Вера. Вера Кузнецова.

Вылечила меня новая любовь — моя одноклассница. Девочка вырядилась в трико и я впервые разглядел и оценил ее фигурку.

Прошло сорок лет. Моих друзей уже нет в живых. Ни Жени, ни Олега. Как-то шел на могилу отца. На подходе заметил свежее захоронение. Снег засыпал памятник до половины фотоовала. Глаза! Меня словно током пробило. Расчистил овал. Это была Вера. Соколова Вера Вадимовна. Замужем была, значит. А рядом мать — Кузнецова.

«Под снегом-то, братцы, лежала она» — строчка старинной песни удивительно точно озвучила произошедшее.

Нес бутылку водки, отца помянуть, а выпил всю на ее могиле.

Критика

О СОЧИНЕНИИ СТИХОВ

Говоря о стихосочинительстве, я выделил для себя 5 его видов и, в соответствии с ними, 5 групп авторов.

Дифференциация каждого из видов, по моим представлениям, может быть проведена по 4 основным параметрам: 1) оригинальность (нетривиальность, свежесть, нестандартность), 2) владение формой (техникой стихосложения, художественными приёмами, хорошее знание языка, с учётом его динамики в художественном тексте); 3) искренность (неподдельность) чувства; 4) гармония формы и содержания в стихотворном произведении (уместность и оптимальность использования тех или иных художественных средств).

1. Поэзия (стихи) — высшее, максимально качественное отображение реального (идеального) мира: + + + +. Только в этом случае сочинитель стихов имеет право называться Поэтом.

2. Стихотворчество — владение всеми признаками предыдущего вида, но недостижение полной гармонии: + + + -. Автор подобных стихотворных произведений — стихотворец.

3. Рифмачество (рифмоплётство) — владение стихотворной формой, наличие или отсутствие оригинальности в стихах, но отсутствие остальных двух необходимых компонентов поэзии: а) + + — — или б) — + — —. Автор — рифмач (рифмоплёт).

4. Виршеплётство — наличие или отсутствие оригинальности и отсутствие остальных трёх необходимых компонентов поэзии: а) + --- или б) --- Автор подобного «творчества» — виршеплёт.

5. Римейкерство — псевдовладение формой, основанное на той или иной степени трансформации текста, на замещении некоторых его элементов, отдельных слов (полуплагиат, в отличие от плагиата, когда чужой нетрансформированный текст выдаётся за свой собственный): -- (+) -- . Автор

подобных «сочинений» — римейкер. К римейкерам примыкают «поэты»-конструктивисты.

Следует заметить, что выделенные виды и группы встречаются далеко не всегда в чистом виде. Один и тот же пишущий, в зависимости от степени художественной ценности произведения, отображающего тот или иной из перечисленных видов, может относиться к разным вышеуказанным группам и по мере совершенствования своего творчества подниматься от низшей ступени (5-й) к высшей (1-й). Кроме того, не следует забывать о таких видах (результатах) творчества, как поэтическая проза, которая может быть предельно близка к 1-й, высшей категории (наблюдается лишь замещение способа организации художественной формы: иное использование звуковой организации текста и ритма в нём) и рифмованная (стихоритмизованная и нестихоритмизованная) и нерифмованная (стихоритмизованная) проза, а также различные виды стилизации под dilettantское или нетворческое стихосочинительство.

Четыре ступени творчества:

- 1) кустарничество;
- 2) ремесленничество;
- 3) культура письма;
- 4) искусство.

Кустарничество — создание изделия для себя или для узкого круга людей, не выходит за рамки прагматики, практической деятельности (поздравление, римейки очень низкий, примитивный исполнительский уровень).

Ремесленничество — создание изделий для массового пользования, массовая «культура», невысокое по качеству и по вложенному труду изделие, по шаблону, конвейер, ширпотреб.

Культура письма — высокий или высочайший уровень исполнения, максимальное следование образцу

(качественные, дорогие товары мас-сского спроса, для тех, кому это по карману; искусные подделки, фальшивые купюры высочайшего уровня исполнения, бижутерия — стразы).

Искусство — высочайший уровень мастерства. Создание своего образца, совершенно нового оригинального по форме и содержанию произведения, товара).

Николай Бушенев

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ...

А. Ломковский «Два костра» Рассказы и повесть. Вологда, 2008 год

Почему одна книга прочитывается и, если не забывается, то просто кудато складируется, как ненужный хлам, а другая — держится в ближайшем ящичке памяти, и при случае, а «случай» предчувствуешь и знаешь только ты, и вот в этот «случай» достаешь книгу и начинаешь ее перечитывать. Какое сладостное волнение охватывает тебя, ведь сейчас ты будешь погружаться снова в мир, может быть, и придуманный, но тобою прожитый. И почему-то обязательно радостно прожитый.

Сколько каждый из нас может назвать таких книг? Две-три? Со стихами проще: божественная гармония чаще спускается на пишущего, и живая вода поэзии наполняет колодец, поэтому можно неоднократно возвращаться к поэтическим строкам, в прозе же соединить землю и небеса гораздо сложнее.

Случайно, да нет, все-таки не случайно, открылась книга А. Ломковского «Два костра». Читаю рассказы, и нарастает это предощущение радости, а уж повесть «Все дороги» читалась взахлеб, закрылась последняя страница с желанием перечитать заново.

Книга очень «вологодская» по узнаваемым не только улицам, названиям, но и характерам. В большинстве рассказов почти нет сюжета, они построены на настроении, неко-

торые полностью состоят из описаний природы, но они не утомляют, нет желания их перескочить и пойти по сюжетному ходу. Здесь редкий случай, когда сама природа и есть сюжет, а по найденным автором образам возникает ощущение твоего непосредственного присутствия.

Картины природы в рассказах «Гроза», «Хорошее настроение» настолько зrimы, что нет расстояния между тобой и героем рассказа. Вот ты рядом ловишь губами ягоду рябины, ощущая ее терпкость, порывы предгрозового ветра бьют в лицо. Замечательной чертой таланта А. Ломковского является то, что автор дает возможность не только увидеть через него «картинку», но и включиться в обраzenию читателя.

Городская жизнь во многом лишена лиричности, но приметливый взгляд прозаика, соединенный с замечательным юмором, позволяют по-новому увидеть эти, казалось бы, будничные сценки городской суэты. А в рассказах «Ворота», «Белая ворона» появляются герои сродни шукшинским, но тут же возникают некоторые сомнения и раздумья, которые усиливаются после прочтения повести «Все дороги». Первоначально она называлась «Бараки».

Сама я не жила в таких не просто коммуналках, а именно барабанных условиях. Может быть, и ошибаюсь, но в коммуналках могли сосредствовать люди разных, скажем так, социальных слоев, а бараки — это житие многих и многих рабочих семей. Тяжелый физический труд, незатейливый отдых, в большинстве своем с выпивкой, скорые на драку мужики, подростки, у которых один шаг от дерзкой шалости до преступления. Повесть очень крепко сцеплена в сюжете, все главы как кирпичики укладываются в действие, портретные характеристики лаконичны, одна фраза, даже скорее два-три определения, и герои уже запоминаются, причем автору удается сделать даже большее — создать типажи. Повесть густо населена, но даже в разговоре уже не спутаешь Чайникова, Паисия Сусликова, Рафалю.

Мне очень интересны в прозе характеры, когда не автор своей волей, а сам герой начинает руководить действием. И в жизни-то характер редкость, особенности поведения, темперамент — да, но не более. Герои Ломковского не статичны, с неослабевающим интересом следишь за тем, как каждый персонаж идет по этой жизни. Это очень редкий и ценный дар рассказчика.

Повесть написана взглядом не сороннего наблюдателя, а как бы изнутри. Выбор, сделанный главным героем, подростком Аликом Арижиним, очень естественен, никакого морализаторства, «подтягивания» под определенную идею. Все очень верно и точно. Мягкий юмор, доброта и теплота в описании, во-многом, неприглядной жизненной правды. Но вот тут-то и начинают одолевать сомнения. Герои Шукшина, Белова — «чудики», но и «светлые души». А в повести, вроде бы, и свет есть, но почему-то рядом с героями Ломковского постоянно ходит предчувствие беды. Особенно это проявилось в эпизоде драки мужиков на праздник. Картина настолько любовно описано, что невольно засматриваешься пьяной дракой с погнутой кочергой и сломанными ребрами, и тут же примирением всех за праздничным столом.

«В общем, все было, как и всегда». У Шукшина, Белова герои проявляются в обычных жизненных обстоятельствах, у Ломковского — после выпивки.

Почему? Или автору легче раскрыть человека в этом состоянии? Или в нашей жизни уже только так русский мужик проявляется? Скажу так — не поняла.

Но что же так трогает в этой повести? Правда — да, узнаваемые и милые для вологжанина приметы 70-х годов — да, но что-то, что-то еще. Горечь от этой правды, грусть от прошедшего, понимание какой-то все-таки вымыченности жизни, но нашей, общей и единой жизненной русской дороги.

Людмила Богданова

НИКОЛАЙ РУБЦОВ В ЕСЕНИНСКОЙ «СТРАНЕ БЕРЗОВОГО СИТЦА»

Авторское расследование с лирическими отступлениями

*Эта музя не прошлого дня.
Сней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

Н. Рубцов¹

Главная суть творчества Сергея Есенина заключена в народности его поэзии, а не в том, что было «много пива и вина», как некоторые до недавнего времени представляли, да и представляют жизнь поэта. Немногие задумывались над истинной сущностью таланта Сергея Есенина при его беспокойной жизни. Однако, поэтический и идеальный антипод, «глашатай революции» В. В. Маяковский несмотря на видимую всем взаимную непримиримость двух поэтов сразу же после трагической гибели Есенина, в известном стихотворении «Сергею Есенину» сформулировал значение поэта —

*У народа,
у языковорца,
умер
зvonкий
забулдыга подмастерье...²*

Позднее в статье «Как делать стихи?» искренне написал: «Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески...»³

В сегодняшнем ХХI веке, всем безоговорочно ясно — имя Есенина, с момента его смерти в памяти народной хранилось всегда, как имена Пушкина, Лермонтова... Ах нет, по воле большевиков, выдумавших «есенинщину», он

¹ Рубцов Н. Посвящение другу. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 46.

² Маяковский В. Полн. собр. соч. в 13 т. — М.: Худож. лит., 1958. — Т. 7. — С. 106.

³ Там же. Т. 12. — С. 81.

был незаслуженно обижен режимом тридцатилетним забвением. Его творчество оказалось недоступным народу, оно хранилось от народа. Есенин был запрещён, и всё же рухнули оковы...

55 лет прошло (более полувека!) как был, наконец-то, снят тридцатилетний «запрет на Есенина», наложенный большевиками, вероятно, «ради светлого будущего». В 1955 году «позволили» издать двухтомник поэта.⁴ В светло-сиреневом переплёте с зеленым пятном пейзажа. Его зачитывали в библиотеках, создавались очереди на чтение, а счастливые владельцы под «честное слово» одолживали на денёк-другой друзьям-товарищам (у автора — «зачитали»).

Среди читателей, в общем-то уникального издания, был и начинающий поэт, военный моряк Северного флота Николай Михайлович Рубцов, чья судьба во многом схожа с судьбой старшего поэтического собрата. Он двадцатилетним был покорён пленительной лирикой великого поэта. Вчитывался в её глубинный смысл, познавал поэтическое мастерство и был таким вдумчиво-старательным, что спустя три года написал бывшему сослуживцу и коллеге по литературному объединению при флотской газете «На страже Заполярья» Валентину Сафонову: «...невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нём всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызвать резонанс, соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни».⁵

⁴ Есенин С.А. Сочинения: в 2 т. — М.: Госиздат, 1955.

⁵ Рубцов Н.М. — Сафонову В.И. — 1959. — 2 февр. [письмо] // Рубцов Н. Видения на холме: стихи, переводы, проза, письма. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 367.

Раньше или позже, но поэт не мог не побывать на малой Родине своего кумира — в Константиново.

О приезде на Рязанщину подробно написал Валентин Сафонов в «Повести памяти. Николай Рубцов». Он пишет: «Вспоминаю Колин приезд в Рязань, вовсе неожиданный и затеянный им ради Есенина — в Константиново поездки ради. Было это в марте 1968 года. Таял снег, дули пронзительные ветры. Подняв воротник пальто и кутая шею в шарф, Рубцов ходил по сырым улицам и сокрушался, что не сохранилось прямых примет пребывания Есенина в городе. <...>. Так получилось, что поехать в Константиново я не мог. <...>. Позвонил ребятам в редакцию рыбновской районной газеты, попросил, чтобы встретили самым достойным образом. [Константиново расположено на территории Рыбновского района.— С.П.]. А поехал с ним мой брат Эрнст, в то время ответственный секретарь областной писательской организации».⁶

В 1997 — начале 1998 года, разрабатывая и оформляя экспозицию готовившегося к открытию Муниципального Литературного музея поэта Николая Рубцова на Черноречье, возникла идея — подробнее разработать тему: «Н. Рубцов на родине С. Есенина». Музей создавался на основе библиофильского собрания Дмитрия Александровича Ширяева. Однако в нем, кроме сафоновской «Повести памяти», отсутствовали какие-либо материалы по этой теме. Пришлось ограничиться единственным источником.

В 2000 году предпринял попытку обратиться за разъяснениями к братьям Сафоновым, но..., из ответа узнал — они оба «ушли в нездешние края»⁷: Эрнст — главный редактор

⁶ Сафонов В. Николай Рубцов: повесть памяти // Рубцов Н. Россия, Русь! Храни себя... — М.: Воениздат, 1992. — С. 368.

⁷ Телегина В. Прости нас [стихотворение] // Телегина В. Богородская трава: стихи, проза. — Пермь: Мамонтов, 2005. — С. 222.

еженедельника «Литературная Россия» скончался в конце 1990-х годов, а Валентин — спустя несколько месяцев. Основных свидетелей приезда Рубцова на родину Есенина не стало...

Подспудно созрела мысль: «А не оставил ли сам поэт каких-либо сведений о посещении Константинова?». В имевшихся у меня и Д. Ширяева рубцовских сборниках ничего не обнаружил.

Вскоре я стал обладателем биографического указателя «Русские писатели. Поэты.» Т.21. Изучая раздел «Николай Михайлович Рубцов» обнаружил запись, что газета «Вологодский комсомолец» в 1986 году опубликовала текст магнитофонной записи чтения Н. Рубцовым трёх статей, включая «В Константиново». ⁸

Поддерживая обширную переписку с собирателями миниатюрных изданий, обратился к тем, кто интересовался творчеством Рубцова, и кому презентовал изданный мной «Нижегородский венок Рубцову». ⁹ Вскоре мне прислали ксерокопию публикации.

Чтение статьи «В Константиново» ¹⁰ вызвало двоякое чувство. Во-первых, это произнёс в микрофон сам Н. Рубцов. Как считать им сказанное: литературное произведение или воспоминание? Если литературное, то автор волен на любой вымысел, а ежели воспоминание — автор обязан вспоминать правдиво о свершившемся событии (поездки в Константиново). Прошло-то не более двух лет. Во-вторых, обстоятельства поездки в рассказе Рубцова расходятся со сведениями, изложенными Валентином Сафоновым в «Повести памяти».

⁸ Русские писатели. Поэты (Советский период): библиографический указатель. / Т. 21. — СПб.: Рос. нац. библ., 1998.

⁹ Нижегородский венок Рубцову. — Дзержинск (Нижегород. обл), 1994. — (Миниатюрное издание).

¹⁰ Рубцов Н. В Константиново; О гениальности; Моя библия [магнитофонная запись 1970 года] / публ. А. Шилова // Вологодский комсомолец. — 1986. — 3 янв. — С. 3.

Рубцов: «Всё рязанское писательское сообщество решило ехать со мной. <...>. Нас было одиннадцать человек».

Сафонов: «... поехал с ним мой брат Эрнст...». ¹¹

Рубцов: «Искали машину, но нам никто её не давал. Тогда достали какую-то машину с открытым верхом». ¹² И далее говорит, что ехали от Рязани до Константинова два часа.

Сафонов излагает маршрут поездки иначе: «Позвонил ребятам в редакцию рыбновской районной газеты, попросил, чтобы ВСТРЕТИЛИ [Выделено С.П.] самым достойным образом». ¹³

Редакция — посредник, так как от города Рыбное до Константинова ещё (в ту пору) чуть больше 20 километров. Выходит, что первоначально Николай и Эрнст ехали от Рязани до Рыбного, а затем с помощью редакции как-то добирались до музея-заповедника.

В 2000 году статья «В Константиново» составителем В. Зинченко включена в рубцовский трёхтомник. ¹⁴

В начале 2001 года петербуржец, земляк Н. Рубцова по Николе, собиратель и исследователь творчества и жизни поэта, организатор «Уголка Рубцова» (1990) в библиотеке (теперь носящей имя поэта), позднее послужившего основой нынешнего музея, Алексей Васильевич Антуфьев (1945–2007) прислал мне номер «Морской газеты» со статьёй Владимира Исаевича Астахова, первого директора Государственного музея-заповедника С.А. Есенина «Клубит и пляшет дым болотный...». ¹⁵ Несколько позднее от Валентины Евгеньевны Кузнецовой,

¹¹ Сафонов В. Указ. соч. — С. 369.

¹² Рубцов Н. Указ. соч. — С. 3.

¹³ Сафонов В. Указ. соч — С. 369.

¹⁴ Рубцов Н. В Константиново // Рубцов Н. Соб.соч. в 3-х томах./ Т.3. — М.: ТЕРРА, 2000. — С. 66.

¹⁵ Астахов В. Клубит и пляшет дым болотный. Николай Рубцов на родине Сергея Есенина в с. Константиново // Морская газета (Кронштадт). — 1999. — 16 окт. — С. 8.

основателя и руководителя музея С. Есенина на Мурмане, получил статью В. И. Астахова «Ни грамма водки»¹⁶ [Сокращенный вариант предыдущей статьи. — С.П.].

Чтение обеих статей вызвало изумление и замешательство! Автор — свидетель пишет: «Как-то в один из мглистых безветренных дней середины октября 1968 года мне позвонили в мемориальный Дом-музей С.А. Есенина из редакции рыбновской районной газеты «Приокская новь» с сообщением, что на родину С.А. Есенина выехали рязанский писатель Сафонов В.И. с поэтом Н. Рубцовым. Эта неожиданная новость наполнила меня радостью: в Константиново наконец-то пожалует один из лучших поэтов страны. <...>. Ждать пришлось недолго, не успел я проникнуться до конца очарованием этого по-осеннему прохладного дня <...> как (перед входом в музей) появился «уазик» редакции районной газеты. <...>. Прежде чем войти в дом С.А. Есенина мы втроём несколько минут постояли на высоком окском берегу».¹⁷

Вот те раз! Н. Рубцов: «Все рязанское писательское сообщество <...> одинадцать человек . <...> машина с открытым верхом». ¹⁸ В. Сафонов: «поехал с ним мой брат Эрнст». В. Астахов: «уазик» редакции... <...> мы втроём». ¹⁹ Выходит приехали на «уазике» из Рыбного двое: Рубцов и еще кто-то. Невольно возникли вопросы: «Когда и кто сопровождал поэта?» Но нет худа без добра. В. Астахов в своих статьях называл ещё одного свидетеля: «В городе Рыбном [При возвращении из Константина. — С.П.] ответственный секретарь районной газеты Владимир Мордасов, писавший стихи, пригласил нас в свою квартиру».

¹⁶ Астахов В. Ни грамма водки // Мурманский вестник. — 2000. — 8 янв. — С. 3.

¹⁷ Астахов В. Указ. соч.

¹⁸ Рубцов Н. Указ. соч. — С. 3.

¹⁹ Астахов В. Указ. соч. (п. 15 наст. указателя).

комнатёнку, в которой было тепло, уютно даже». ²⁰

Осенью 2003 года, после Есенинского праздника, я поехал в Рыбное. Теплилась надежда встретиться с В. Мордасовым. К тому же, коль был Н. Рубцов в редакции «районки», так, может быть какие-то его стихи напечатали в газете?

В редакции газеты «Приокская новь» с пониманием отнеслись к цели моего визита, но... В. Мордасов давно не живёт в Рыбном. Редактор газеты Е.А. Штолльвина и литсотрудник Е.И. Семёнова любезно разрешили просмотреть редакционные комплекты за 1967–1970 годы и сообщили адрес жительства В. Мордасова.

Открыв сразу же подшивку за 1968 год, в весенних номерах я ничего не обнаружил. Листаю дальше и в номере за 28 сентября вижу напечатанное стихотворение Н. Рубцова «Шумит Катунь». Больше стихотворений не было, зато одновременно с рубцовской «Катунью» напечатан рассказ В. Сафонова «Чудак-человек». Как попало рубцовское стихотворение в газету? Или Сафонов одновременно со своим рассказом принёс в редакцию, или сам поэт? Написал письмо и получил ответ от В.И. Мордасова, аж на восьми страницах.

«Во-первых, — пишет автор, — когда, в каком месяце побывал Н.М. Рубцов на родине С.А. Есенина? Произошло это в конце марта 1968 года. Снег был, как помню, уже рыхлым, на улице (на припёке) кое-где были лужицы. Осенью этого же года я не смог бы встретиться хотя бы потому, что в августе, пройдя собеседование, был зачислен на первый курс высшей партийной школы. Кстати, учился в Горьком». ²¹ Далее он сообщил, что в период учёбы 1968–1972 годов в Горьком, некоторое время работая на телевидении, на радио, он был знаком с горьковскими известными поэтами

²⁰ Астахов В. Указ. соч.

²¹ Мордасов В.И. — Першину С.А. 2003. — 22 нояб. [письмо].

Ю. Адриановым и Б. Пильняком и другими, несколько раз бывал в Дзержинске, публиковался в областных газетах.

При исследовании обстоятельств пребывания Н. Рубцова на Рязанщине, необходимых для отражения в «Летописи жизни и творчества», выявлены дополнительные сведения посещения есенинских мест, расширен и уточнён круг лиц, с коими он общался.

Валентин Сафонов в своей повести, описывая посещение Рязанского кремля, привёл эпизод, случившийся у ночного костра: «Поздним вечером, точнее, в ночи даже, пришли мы, несколько человек, на территорию Кремля — к могиле Я. Полонского. И долго стояли у хлипкой решётки, отгородившей от нас мраморную глыбу надгробья. А потом, отвалив в сторону от заповедника, наткнулись на груду ящиков. <...>. Колина душа истрадалась по живому пламени, по теплу, достал из кармана спички.

— Запалим костёр, мужики.

Нам было весело, хорошо было, и мы читали стихи. Весна пьянила. Впрочем, не обошлось и, строго говоря, без эксцессов. Стихотворец С-н, всегда не в меру суетливый и хмельной, кажется, с рождения, желая понравиться Рубцову, затеял читать что-то несусветно нудное, выматывающее душу. Читал он с подвыпившим, замогильным голосом. Коля, вежливо прослушав одну или две строфы, резко взмахнул рукой:

— Хватит, уймись. Ты безнадёжный графоман!»²²

Реакция Н. Рубцова, столь эмоционально описанная автором, похоже, стала хрестоматийной у многих «вспоминателей», она даже в словах, будто бы произнесённых поэтом в различных жизненных ситуациях, не отличается одна от другой. Хотя он, тончайший лирик, наделённый Божиим иомыслом, как свидетельствует его окружение, всегда бес-

компромиссно стоял за чистоту и высокое предназначение русской поэтической мысли, и был резок в оценке стихотворцев, называвших себя поэтами без достаточных на то оснований.

Эпизод, столь красочно преподнесённый В. Сафоновым, у разных участников ночного бдения выглядит по-разному, и мне захотелось выяснить, что же реально произошло среди поэтов при свете ночного костра. Всегда представляют интерес люди, сопричастные к тому или иному неординарному лицу, в частности к Рубцову. На заданный в письме вопрос В.И. Мордасову: «Кто такой стихотворец С-н?», он любезно ответил: «... под выражением «стихотворец С-н» скрыт конечно же Толя Сенин. Он окончил пединstitут двумя годами позже меня. Толя был из многодетной семьи, одно время воспитывался в детдоме. Выпустил несколько сборников стихов, стал членом СП. <...>. Кстати, далеко не все одобряли то, что написал в своей повести В. Сафонов о А. Сенине. Мне известно, что после опубликования повести В. Сафонова, отношения между ним и А. Сениным испортились. Впрочем, что об этом говорить? Года два-три назад Толя умер...». ²³

В. Астахов в статьях рассказал о гостевании у В.И. Мордасова: «Волodya Мордасов разогрел уху. На столе оказались картошка, огурцы, помидоры. Хозяин из уголка между столиком и стеной нашупал бутылку, наполненную только наполовину. Понюхал, развёл руками. «Не то. Забыл закрыть пробкой. Выдохлась полностью. Вода, а не водка», — пояснил он это движение рук. А когда выходили из-за стола, перед отъездом в Рязань, Н. Рубцов произнёс: «Этот день ещё будет памятен и тем, что не было выпито ни грамма. Кто хочет поверить в это, пусть поверит. Но вряд ли такой человек найдётся». ²⁴

²² Сафонов В. Указ. соч. — С. 368.

²³ Мордасов В. Указ. соч.

²⁴ Астахов В. Указ. соч.

Я не мог не поверить уважаемому автору статей, однако, в письме задал вопрос Владимиру Ивановичу: «Как же он принимал гостей, и кто из рязанцев сопровождал Рубцова?». На что получил ответ: «Мне утром редактор «Приокской нови» С.И. Шкурлатов сообщил, что звонили из Рязани братья Сафоновы. Они едут с Н.М. Рубцовым в Константиново и на обратном пути заедут ко мне. Ну, заедут так заедут... Экспромтом что-то сообразим, а бутылку купить, полагал, не проблема. Ближе к обеду прибыли ребята В.И. Астахов, Н.М. Рубцов и Э.И. Сафонов (с ним я три года учился в Рязанском пединституте). Н.М. Рубцов, насколько помню, был молчалив. Эрик представил меня, как рязанского поэта. В издательстве «Московский рабочий» (1966) вышел поэтический сборник поэтов трех областей — Калининской, Рязанской и Смоленской, где были напечатаны полтора десятка моих стихов и подборка Толи Сенина. Н. Рубцов был одет в довольно потёртое пальто, на шее — шарф. В общем, и разглядывать его было некогда. Эрик сказал, что у них до электрички на Рязань времени осталось лишь час. Я сунул ему ключ от квартиры и побежал в магазин, оказавшийся закрытым. На ступеньках несколько человек. Вижу, из кармана одного торчит бутылка. Спрашиваю, водка? Да, говорит, купил перед закрытием. Умолил его продать, переплатив, конечно. Бегу обратно. Ребята сидят за столом. Разливаем. И тут оказывается — в стаканах простая вода! Я от стыда и досады чуть не сгорел, а Коля Рубцов, чтобы, видимо разрядить ситуацию, сказал, что этот день ему запомнится и потому, что не было выпито не грамма. Кстати, ухи на столе, о чём пишет Володя Астахов, не было. Рыбалкой я тогда не промышлял. Время поджимало, и я проводил ребят на электричку. Уныния, в общем-то, не было. Этот случай, скорее, нас как-то даже развеселил... А сколько стихов Н. Рубцова было прислано осенью в

редакцию, этого я не знаю, поскольку из Рыбного уехал».²⁵

Свидетельства В.Астахова, В. Мордасова и В. Сафонова позволили определить реальный маршрут поездки Н. Рубцова совместно с Э. Сафоновым: Рязань — Рыбное (и обратно) на пригородной электричке; Рыбное — Константиново (и обратно) на «узике» редакции районной газеты «Приокская новь». В 1968 году шоссе от Рыбного до Константинова представляло обычную российскую расхлябанную дорогу и весной — осенью «узик» был самым надёжным транспортом, не считая, лошади. Это сейчас — «президентское» шоссе...

С магнитофонной ленты воспроизведены слова Рубцова: «... нам подали книгу посетителей. Первым эту книгу взял я и написал: «Приходил поклонится родине Есенина». А им сказал: «Что хотите, то и пишите». И тогда весь рязанский Союз писателей подписался под моими словами. И никто ни слова не добавил».²⁶ Н. Рубцов, наговаривая текст на магнитофонную ленту, во всю бравирует перед компанией товарищей-приятелей и не смотря на то, что прошло не более двух лет, явно не придерживается фактов. С ним ведь был не «весь рязанский Союз писателей», а лишь один представитель — Эрнст Сафонов. И всё же, он упоминает книгу отзывов. Надо было попытаться выяснить в фонде музея-заповедника, сохранилась ли эта книга, а по записи определить месяц и дату посещения.

В 2004 году побывал в Константинове, благо летом обитал верстах в восемьми, в бывшем на 170–180 дворов селе Чешуево, ставшего «неперспективной», умирающей деревней при 22-х домах, населённых, в основном, «варягами» в летнее время. В есенинские времена священник сельской церкви (давным-давно «раскаптанной» на дрова) Орлов приходился крёстным отцом Сергею

²⁵ Мордасов В. Указ. соч.

²⁶ Рубцов Н. Указ. соч. — С. 3.

Есенину. Иногда дед поэта при поездках в Дивово или обратно, заезжал с внуком к его крёстному. По рассказу престарелого уроженца села В. Т. Филимонова (в 2004 году житель Рязани), со слов своего дяди Е. Т. Филимонова: «Сергей Есенин изредка приходил с константиновскими парнями-девками на вечеринки».

Главный хранитель фондов музея-заповедника Валентина Ивановна Панкратова приняла меня радушно и с искренним вниманием отнеслась к моей просьбе — разрешить просмотреть книги: отзывов посетителей, учета экскурсий, записей почётных посетителей за 1967–1969 годы, на предмет возможного обнаружения записи Н. М. Рубцова о посещении Дома-музея или отметки о проведении экскурсий [Её проводил первый директор В. И. Астахов. — С.П.] и установления реальной даты пребывания поэта. Валентина Ивановна решила просматривать книги вместе со мной. На случай возможной идентификации принадлежности какого-либо текста поэту я захватил копию дарственного автографа Н. Рубцова (с факсимile подписи) Валентину Николаеву на странице с его стихами в журнале «Наш современник».²⁷ Валентина Ивановна, прочитав автограф, словно угадывая мою потаённую мысль, задумчиво, с предвкушением ожидаемого чуда произнесла: «А вдруг найдём автограф Николая Михайловича?». Увы... Чудеса случаются лишь в сказках... К тому же обнаружили, что все три книги за январь — апрель 1968 года отсутствуют. Повторный поиск в хранилище, предпринятый Валентиной Ивановной, ничего не дал. Выявили ещё одну странность: листы с отзывами посетителей за период 2–11 января 1968 года, вопреки делопроизводству и музейным правилам, обнаружили

в конце книги отзывов за 1967 год. У нас возникли предположения — или книги утеряны, или в вышеуказанный период книги не заполнялись по банальной причине — музей не принимал посетителей. На последнее косвенно указывает фраза Н. Рубцова: «Вообще-то он [Музей. — С.П.] был закрыт».²⁸ Следующая книга отзывов посетителей начиналась с 1 мая 1968 года. Просматривая её, под одним из отзывов группы экскурсантов от 21 мая, среди подписантов обнаружили подпись «Рубцов». На всякий случай сверили текст отзыва и подпись с текстом автографа: всё написанное никакого отношения не имело к почерку Н. Рубцова. Оставалась надежда на последнего, основного свидетеля — В. И. Астахова.

Случай представился в преддверие 39-го Всероссийского праздника Есенинской поэзии 1 октября 2004 года. Беседа с В.И. Астаховым продолжалась свыше двух часов. Он рассказал об истории создания музея-заповедника, о людях, содействовавших его становлению и развитию, в частности, о М. С. Соломенцеве, Председателе Совета Министров РСФСР, решавшего, казалось бы, неразрешимые проблемы и всячески поддерживавшего своей властью благие начинания в ходе развития музея-заповедника, об именитых посетителях, для которых он проводил экскурсии, в том числе — Трижды Герое Советского Союза А. И. Покрышкине, о своей встрече в 1967 году в Ереване с Шаганэ Нарсесовной Тальян («Шаганэ, ты моя Шаганэ...»), и её посещении Константинова в 1974 году. Слушая Владимира Исаевича с трудом воспринимал, что в 1965 году на месте сегодняшней прекрасно оформленной территории располагался скотный двор. У церкви, где в 1895 году был крещён младенец, наречённый Сергеем, находилась мастерская по ремонту сельхозтехники, а в доме с мезонином Л. И. Кашиной — комбинат бытового

²⁷ Рубцов Н. [Надпись на странице с подборкой стихотворений автора в журнале «Наш современник» Николаеву В.А. (б.д.)] // Наш современник. — 1969. — N 9. — С. 68.

²⁸ Рубцов Н. Указ.соч. — С. 3.

обслуживания, и где, по воле районных партийных «деятелей», чуть не разместили молокозавод. Далее, разговор сам собой перешёл к обстоятельствам посещения Н. М. Рубцовым родины С. А. Есенина.

В. И. Астахов вкратце поведал, как он проводил экскурсию с Н. Рубцовым и своих впечатлениях о нём. Они повторяли почти дословно, с небольшими вариациями, то, что он изложил в своих статьях. В свою очередь я ознакомил его о совместном с В. И. Панкратовой исследовании хранящихся в музейном фонде книг отзыва и учёта. И, естественно, задал основной вопрос: «Оставлял ли Н. Рубцов запись в книге отзывов?».

Этот вопрос его смущил, он задумался и как-то смущённо, с определённой долей вины (так мне показалось), честно изрёк: «Нет. Не пришло на ум... Да и кто в те давние времена мог предвидеть, что Николай станет гордостью русской классической поэзии? Теперь-то сильно сожалею... К тому же, мы всего-то были вдвоём, а дел невпроворот. Музейным работником была Елена Васильевна Воробьёва — соседка Есениных, много раз видевшая Сергея во время его приездов в Константиново, следила за порядком в доме. Помню, что Николай Михайлович, осмотрев обстановку дома, бесценные реликвии вещи поэта, задал единственный вопрос: «Это всё было при Есенине?».

Что ж до книг отзывов, так это от того их недостаёт — Дом-музей был филиалом областного краеведческого музея. Книги ежегодно передавались туда, а они, в свою очередь, в областной архив. Вот и затерялись. И уже когда передавали на вечное хранение в музей-заповедник, некоторых книг не досчитались: у семи нянек — дитя без глазу...». Информация об отзывах посетителей за первые 10 дней 1968 года, помещённых в конец книги отзывов за 1967 год, поставила его в тупик. Он развел руками: «Не знаю отчего так получилось...». Я всё же задал наводящий вопрос: «Не связано

ли отсутствие книг отзывов за три с половиной месяца и подшивка отзывов за начало 1968 года в книгу за 1967 год с какой-то возможной приостановкой приёма посетителей Домом-музеем?». В. И. Астахов вразумительного ответа не дал: «Не помню, хотя и могло быть. Надо смотреть архивные документы».

Разговор перешёл на месяц и дату приезда Н. Рубцова.

Я сообщил, что разыскал В. И. Мордасова и он ответил: «... Вас, Н. Рубцова и Э. Сафонова принимал в своей комнатёнке в марте 1968 года», подтвердив убедительными аргументами из своей жизни. Да и В. Сафонов в повести сообщил, что приехал поэт в марте. «Почему же Вы называли октябрь?». Владимир Исаевич был удивлён моей информацией и, чистосердечно ответил: «Я и сам сомневался, в октябре ли был в Константинове Николай Михайлович? Память подвела, а записей я не делал. И опять — кто мог предвидеть в то время сегодняшнюю всероссийскую славу Рубцова? О дате что говорить, если месяца не помнишь. Бряд ли её возможно установить...».

На всякий случай я спросил: «Что вам известно о ночном бдении в саду Рязанского кремля местных литераторов и Н. Рубцова?». Он живо и знающе ответил: «Так я же там был!». И сообщил: «К могиле поэта Якова Полонского мы подошли в шестером — братья Сафоновы, Н. Рубцов, А. Н. Архипов (самый значительных рязанский поэт, ныне покойный), Е. Ф. Маркин (большой интересный лирик; его нет в живых) и я. А Сенина с нами не было. И описанный эпизод Н. Рубцова со «стихотворцем С-н» на совести В. Сафонова... [К сожалению, В. И. Астахов запамятаовал: ещё присутствовал Б. Шишаев, подтвердивший факт участия А. Сенина и случившегося «инцидента». — С. П.]. Разожгли костёр. Как в сказке из ночной тьмы выплыли два белых «приведения» в образах стражей порядка в белых полушибках. От одного из них

строгим, с претензией на важность, голосом последовал сакральный вопрос: «Почему костёр? С чьёго позволения?». Как можно спокойнее и убедительнее (всё-таки власть!) объяснили: «Рязанские писатели привели знаменитого поэта Николая Рубцова поклонится праху русского поэта Якова Полонского. К тому же Рубцов приехал повидать родину С. Есенина». «Привидения» вроде бы слушали, но услышанное на них не произвело никакого впечатления. Слышали как-будто впервые, а их физиономии явно говорили: «Какой Рубцов? Какой Полонский? Какой Есенин? Забирать-то кого?». Пошло в ход традиционное «остаканивание» и «привидения», с достоинством своего величия удалились в ночь... А мы долго-долго жались к костру и до самозабвения читали стихи.

На следующий день 2 октября 2004 года на Есенинском празднике довелось познакомиться с Борисом Михайловичем Шишаевым. С эстрады выступали рязанские поэты. Голос ведущего вещает: «Слово предоставляется Борису Шишаеву». Мелькнула мысль: «Уж не тот ли это Борис Шишаев, с коим наш нижегородец, в ту пору студент Литинститута, А. Сизов и Б. Примеров ездили на похороны Н. Рубцова?». После завершения выступлений подошёл к нему и спросил: «Это вы ездили с Сизовым на похороны Рубцова?». Он ответил утвердительно, мы познакомились. Писательское сообщество его «тянуло» за собой. Он сообщил свой адрес (г. Сынтул Рязанской области.). Написал ему письмо с массой вопросов, в том числе: «Располагаете ли вы какими-либо сведениями о пребывании Н. Рубцова на Рязанщине?». Получил доброжелательный обстоятельный ответ.

«Что касается посещения Рубцовым Рязани, то я встречался с ним в это время. Было это так. В Туле прошёл Зональный семинар молодых поэтов, на котором Рубцова и нашего Евгения Маркина рекомендовали в Союз писателей — то есть, прак-

тически уже приняли. И Маркин оттуда «уволок» Коля в Рязань. Тут мы встретились и много веселились, вспоминая прошедшие студенческие годы. В Константинове я с ним не был, но был с ним в общежитии пединститута, и в ночном Кремлёвском саду, где мы разожгли костёр из ящиков из-под бутылок и, выпивая, закусывали поломанной на куски варёной колбасой, читали стихи «по кругу». Коля, хорошо помнится, читал: «В кругу лесов, полей, озёр мы про свои забыли годы...».

«Инцидент» с Сениным, кажется, был, но, по-моему, Валентин Сафонов слишком уж «разрисовал» это. К тому же, помню, что там, у костра, был Эрик Сафонов, а брата Валентина, кажется, и не было. Возможно это он с чьих-то слов (вероятно со слов Эрика) так красочно «разрисовал». И что абсолютно точно — было это весной, поскольку помню снег в Кремлёвском саду с ещё размякшим, утренним настом. Мы утром опохмелялись...».²⁹

Вкратце о «виновнике» посещения Н. Рубцовым есенинской «страны берёзового ситца», талантливом поэте Евгении Фёдоровиче Маркине (1938 — 1979).

Галина Зайцева в статье «Позови меня, Есенин, позови...» написала: «Для Евгения Маркина Сергей Есенин был родным человеком: есть такое особое, родство, не по крови, по духу. Однажды Маркин написал:

*И когда уже не будет тебя,
Все удары приму на себя,
Чтоб не мерк твой алый цвет зари,
Позови меня, Есенин, позови...*

Есенин позвал его, деревенского мальчишку.

Личная и творческая жизнь его, родившегося в рязанской глубинке, сложилась драматично, и во многом напоминала рубцовскую. Талантливый, дерзко-неуправляемый, он не

²⁹ Шишаев Б.М. — Першину С.А. 2005. — 31 янв. [письмо].

подходил и не мог вписаться в серость времени, а по сему пришлось сполна испить горькую чашу несправедливости, «за всё в чём был и не был виноват». «Соратники» — рязанские писатели услужливо исключили из Союза, предприняли всё, чтобы не позволить ему печататься, и, лишив минимума свободы, заключили в лагерь, правда, лечебно-трудовой. Однако он исступлённо работал, много, самозабвенно и, как всегда, талантливо до самого своего смертного часа, прожив лишь 41 год.

Николай Рубцов в 1962 году написал стихотворение «Сергей Есенин». При его жизни оно не публиковалось. Впервые увидело «свет» в 1973 году в «Вологодском комсомольце»,³⁰ с рисунками вологжанки Генриетты Бурмагиной. Впервые включено в сборник лирики Рубцова «Подорожники».³¹

Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В свою равноть есенинской музы.

С. Першин
Нижегородское Черноречье. 28.02.2010.

Экслибрис «Сергей Есенин и Николай Рубцов» изготовлен в 1995 году в очень редкой технике «конгрев» (рельефная печать с двух форм) известным художником-графиком Николаем Георгиевичем Стрижаком (1926—2003) для петербуржца, журналиста, поэта, почитателя и исследователя творчества Н.М. Рубцова, члена Международного Есенинского общества «Радуница» Владимира Васильевича Бесперстова. Книжный знак последний в сочинении «Есенинские экслибрисы» из 23 миниатюр малой графики. Встречные силуэты С. Есенина и Н. Рубцова подчёркивают духовное родство поэтов, а Крест — олицетворяет общность трагических судеб. Берёзы и сосны над символическими могилами, как бы представляют их малые Родины — Рязанщину и Вологодчину.

³⁰ Рубцов Н. Сергей Есенин [стихотворение] // Вологодский комсомолец. — 1973. — 19 янв. — С. 4.

³¹ Рубцов Н. Сергей Есенин [стихотворение] // Подорожники. — М.: Мол. гвардия, 1976.

Каждому на Руси
Памятник — добрый крест.
(Н. Рубцов)

Графика

Е. Л. ДЕМИДОВА

ОБ ЭКСЛИБРИСАХ КОНСТАНТИНА КОНИЧЕВА И ИХ СОЗДАТЕЛЯХ

Продолжаем рассказ о коллекции экслибрисов на книгах в фондах Вологодской областной универсальной научной библиотеки (далее — ВОУНБ). В последнем выпуске альманаха «Автограф» мы рассказали об экслибрисах В. В. Гуры, в этом же расскажем о знаках К. И. Коничева — вологжанина, оставившего заметный вклад в советской литературе.

Константин Иванович Коничев родился в 1904 г. в д. Поповское Устье на Кубенском озере в Кадниковском уезде Вологодской губернии. В конце 20-х годов сын батрака приехал в Вологду и выпустил первую книгу «Тропы деревенские» (Вологда, 1929). Книга молодому писателю не понравилась, и весь тираж он скупил по книжным ларькам и уничтожил¹. Хорошо, что в фондах ВОУНБ сохранился экземпляр первого издания произведений писателя. С 1934 г. Коничев работал в Архангельске редактором областного издательства и председателем областного отделения Союза писателей, редактировал альманах «Север». В 1940 г. окончил Литературный институт. Когда началась война, пошел на фронт. С 1951 г. — главный редактор Лениздата, награжден двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др.

Основные темы произведений писателя — Русский Север, судьбы его исторических деятелей. Константин Иванович — автор книг о М. В. Ломоносове, скульпторе Ф. Шубине, зодчем А. Воронихине, художнике В. Верещагине, издателе И. Д. Сытине и др.

Библиотека К. Коничева насчи-

¹ Гура В. В. Время соединенье. — Архангельск, 1985. — С. 316.

Н. Железняк.
Портрет Константина Коничева. 1958 г.

тывала свыше 4 000 томов — книги по эпохе Петра I, Русскому Северу и древним монастырям, сборники произведений устного народного творчества и научные труды по фольклору, искусствоведческие работы и мемуарная литература.

В фондах ВОУНБ несколько десятков книг из книжного собрания К. И. Коничева. На некоторых книгах нет книжных знаков, есть книги с автографами, на некоторых же книгах — по нескольку экслибрисов. В его экслибрисах — его жизнь, путешествия, литературные пристрастия и увлечения.

Начинаем рассказ с экслибрисов, созданных вологжанами. В фондах ВОУНБ есть два экслибриса, сделанные Ниной Витальевной Железняк для К. И. Коничева. Нина Витальевна Железняк (урожденная Боруцкая)

родилась 18 марта 1915 г. в Москве, в дворянской семье. После семилетки училась на рабфаке, занималась в изостудии ОГИЗ у П.А. Алякринского (1935), на курсах повышения квалификации художников книги и графики при Московском институте изобразительных искусств у П.Я. Павлинова (1936-1937). В 1937 году была арестована и вместе с отцом Виталием Ивановичем сослана в Вологодскую область сроком на пять лет как «социально опасный элемент». А было ей тогда двадцать два года. В середине февраля 1938 г. Боруцких отправили на поселение в деревню Мотыри на Сухоне, находившуюся в двадцати верстах от села Шуйское. Весной этого же года ее вместе с отцом перевели в село Шуйское Междуреченского района.

Перед окончанием срока ссылки, в начале 1941 г. Боруцкие получили разрешение на переезд в Вологду, а весной сюда переехала ее мать, Вера Михайловна. Здесь их семью застало страшное известие о начале Великой Отечественной войны. Отца в первые же дни войны арестовали, и он скончался неизвестно где. Нина устроилась

Ил. 2.

работать ретушером-портретистом в ателье фотопарикмахеров, но вскоре ее послали на торфоразработки, а затем на оборонные работы на станцию Дикая.

С 1942 по 1950 год она продолжает свое художественное образование в студии, размещавшейся в здании школы на улице Пушкина, у Николая Михайловича Ширякина. По его рекомендации она устроилась на работу в мастерские Товарищества вологодских художников, они позднее стали Всероссийскими художественно-промышленными мастерскими художественного фонда РСФСР. В своих коллегах А.И. Смоленцевой, А.А. Никитиной, В. В. Тимофееве, И. А. Тарабукине она нашла моральную опору и поддержку, обрела, по сути, необходимую художнику творческую среду, которая впоследствии сыграла решающую роль в ее жизни. Здесь, в мастерских художественного фонда, Нина Витальевна проработала художником-оформителем почти три десятка лет, вплоть до 1970 года.

В 1942-1943 годах Нина Витальевна выполняла заказы для фронта, вместе

Ил. 1.

Ил. 3

с другими художниками-вологжанами в суровые военные годы работала над выпусками «Окон ТАСС».

В 1942 г. произошла ее встреча с писателем Владимиром Степановичем Белецким-Железняком, связавшая их на долгие годы счастливого супружества. Он также был выслан в Вологду в 1936 году на три года. Жизнь и творчество двух русских интеллигентов становятся неразделимы. «Это стало счастьем моей жизни — быть причастной к его судьбе, работать над иллюстрациями к его произведениям. И я каждый раз с радостной готовностью разыскивала материалы о той эпохе, о которой шла речь, консультировалась, обдумывала композицию рисунка, искала ракурсы, делала зарисовки тушью и пером».

О знакомстве Железняков с К. И. Коничевым рассказано в книге «Сильнее судьбы», посвященной В. Железняку-Белецкому. Нина Железняк вспоминает о том, что она вместе с мужем ездила в Ленинград,

где их «курировал» К. И. Коничев². «В Вологду он ездил часто, заходил к нам еще в башню. Это был очень широкий человек, любил делать подарки, в том числе и мне, был исключительным рассказчиком. А как литератор? Впрочем, В. Железняк считал удачной лишь первую книгу его — «Деревенскую повесть», — вспоминает Н. Железняк³. — А в Ленинграде Константин Иванович устроил нам номер гостиницы и познакомил нас с двумя литераторами; были это литературовед Александр Дымшиц и его младший друг Дмитрий Молдавский».

Экслибрис-наклейка К. Коничева работы Н. Железняк с изображением сфинкса и двух лежащих горизонтально книг, на верхней переплетной крышке надпись «Шубин Воронин, Верещагин». На экслибрисе надпись «Из книг К. Коничева». Размер — 85 x 70 мм (ил. 1)

Второй экслибрис-наклейка К. Коничева работы Н. Железняк с изображением лежащей книги, на которой стоит пальма и развалины греческого храма. Размер — 85 x 70 мм (ил. 2).

Оба экслибриса приклеены на одну книгу: «Повесть о творчестве» В. Железняка (Вологда, 1956). На книге — дарственная надпись В. Железняка К. И. Коничеву.

Экслибрис-наклейка К. Коничева работы неизвестного художника с изображением пальмы и елочки, деревенской избы и Парфенона и надписью «Из книг Коничева». Размер — 77 x 107 мм (ил. 3). В этом полупрофессиональном с точки зрения технического исполнения экслибрисе — рассказ о жизни писателя, родившегося в глухой деревушке, окруженной елями и засыпаемой зимой сугробами до крыши и путешествующего по Египту и Греции уже в зрелом возрасте.

² Железняк Н. В. Глухие годы // Сильнее судьбы. — Вологда, 1995. — С. 121–122.

³ Там же.

Экслибрис-наклейка К. Коничева с изображением пера, раскрытым книга и топора и надписью «Книжный знак Константина Коничева. Архангельск — Вологда». Размер — 63 х 73 мм. Книжный ярлык, сюжетный, цинкография, размер 48 х 45 (ил. 4). Текст: «Книжный знак Константина Коничева Архангельск-Вологда». Художник В. А. Меньшиков.

Третий и четвертый экслибрисы приклеены на одну книгу, поступившую из библиотеки К. И. Коничева — «В поисках необычного: из записок коллекционера» Н. С. Тагрина (Л., 1962).

Для большего представления о знаках К. Коничева мы воспользовались коллекцией Ю. П. Малоземова, так как на книгах в фондах ВОУНБ их нет.

Замечательный экслибрис создал для К. И. Коничева художник А. И. Юпатов. Алексей Илларионович Юпатов родился в Риге в 1911 г. С 1930 по 1935 гг. учился в Латвийской академии художеств. Плодотворными для художника были шестидесятые годы, когда практически каждый день он выполнял многопрофильные сюжетные новеллы. Каждый его книжный

Ил. 5.

знак — это небольшой рассказ то ли о владельце книжного собрания, то ли о городе, в котором он живет, то ли о профессии владельца — художника, ученого, писателя, коллекционера. Почерк Юпатова всегда индивидуален и узнаваем⁴. Ему не чужды городские, сельские мотивы, но и портреты отличаются психологичностью и достоверностью.

На экслибрисе, созданном Г. Юпатовым для К. И. Коничева в технике офорта, мы видим портреты тех, чьи фамилии были написаны на первом из показанном вам экслибрисе. В центре — портрет Петра I, внизу — портреты В. В. Верещагина и И. Д. Сытина, вверху портреты А. Воронихина и Ф. Шубина — всех тех, кому посвящал свое творчество писатель.

⁴ Ракитянский А. Рыцарь экслибриса: художник Алексей Юпатов // Библиофилии России: альм. — М., 2004. — Т. 1. — С. 320–321.

Ил. 4.

Ил. 6.

Последний из экслибрисов Коничева, скорей всего, был создан в Ленинграде, так как на переднем плане мы видим статую Петра I купол Адмиралтейства. Но и здесь память о родине дает о себе знать — на одном уровне в памятнике — ели и сосны — напоминание о лесистой Вологде.

Приглядевшись к трем щитам вверху экслибриса, мы увидим на первом из них герб Вологды — рука, выходящая из облака и держащая скипетр. В центре — цитата из А. С. Пушкина: «Дикость и природа не уважают прошедшего». А это прошедшее Константин Иванович, судя по этому знаку, знал хорошо, так как официальным гербом Вологодской области в советские времена была

отнюдь не рука, тянувшая символы царской власти из облака, а прозаичный лось. Рука — герб дореволюционный.

Последний книжный знак — скромный оттиск каучукового штемпеля овальной формы с надписью внутри рамки «Личная библиотека Конст. Ив. Коничева» (ил. 7). Размер 50 x 27 мм. Копию знак предоставил также Ю. П. Малоземов, и в его личной библиотеке этот оттиск поставлен на книгу «Экскурсии по городу, пригородам и музеям Ленинграда» (Л., 1954).

Завершая эту статью, мы можем сказать, что Константин Иванович был очень добрым человеком (об этом говорят многочисленные дарственные надписи писателя), разносторонне образованным специалистом в области литературы (разнообразны сюжеты экслибрисов — явное тому доказательство). А кроме того, из сюжетов экслибрисов Коничева сквозит его огромная любовь к родине, родному Вологодскому краю.

У дяди Кости была завидная и добрая память. И память о нем, умевшем любить и ценить и людей, и книги, живет в сохранившейся части его библиотеки и в экслибрисах.

Ил. 7.

19 августа умер **Юрий Сергеевич Широковский** —
литературовед, краевед, педагог,
создатель поселкового литературного музея.

В сентябре трагически погиб
Сергей Борисович Богданов — поэт,
врач устюженской больницы.

20 октября умерла
Валентина Станиславовна Старкова —
литературный краевед, педагог,
пропагандист вологодской литературы.

Редакция «Автографа»
выражает глубокие соболезнования
родным и близким покойных

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

57

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.

Сдано в набор 06.10.10. Подп. в печать 1.11.10.

Вологда
2010

